

18+

Ярослава Казакова

Записки на поверхности

Рассказы
и миниатюры

Ярослава Казакова
Записки на поверхности.
Рассказы и миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438774
ISBN 9785005136817

Аннотация

Представляю вашему вниманию результат моих переживаний, наблюдений, обобщений. Буду рада, если они резонируют с вашими. Если нет, тоже буду рада. Прелесть этого мира в его разнообразии и непредсказуемости. Приятного вам чтения!

Содержание

Рассказы	5
Привидение	5
Непокорный	11
Домовушка	16
Повелительница Стихий	19
Настоящая жизнь	21
Жалкое создание	24
Яркие краски	29
Грязные игры	34
В облаке	38
Продолжение не начатого	42
Лучшие годы	44
Муравушка	52
Хорошая девочка	61
Фантики	67
Поцелуй	70
А что же дальше?	79
Впечатления	85
Картина не маслом	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Записки на поверхности

Рассказы и миниатюры

Ярослава Казакова

© Ярослава Казакова, 2020

ISBN 978-5-0051-3681-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Привидение

– Молчите все! Не сдавайте нас!

Мы с Наташкой тесно прижались друг к другу под простыней и дышали, как два раскопчегаренных паровоза.

– Сейчас из-за вас всю палату накажут! – Это Машка, самая противная девчонка из всех, кого я знаю.

Я даже немного дружила с ней в четвёртом классе, но она убила мою дружбу тем, что упорно называла меня по фамилии и говорила, что я толстая, хотя сама похожа на жирного, конопатого хомяка. Её из гимнастической секции за лишний вес выгнали. Называть же человека, с которым дружишь, по фамилии, вообще за гранью моего понимания.

Интересно, рыжие хомяки бывают? Надо Ирину Алексеену спросить, нашу биологиню. Она должна знать наверняка.

Девчонки из соседней палаты визжали и визжали. Машка несла и несла что-то про то, как нас сейчас выведут на плац и заставят делать зарядку в ночнушках, как...

– Да, не брюзжи ты! Как старая бабка, чесслово! – Не выдержала я.

Крики наших дорогих соседок перекрыл громовой бас физрука. Судя по звукам, они кинулись к нему, как к отцу

родному.

– Станислав Андреевич, оно было такое...

– Оно влетело в нашу палату совсем беззвучно!

– Оно туда полетело, когда мы...

– Хватит молоть чушь! – Грянул физрук. – Никаких привидений не существует! Кто-то пугает вас, а вы орёте, как дуры. Они сейчас, поди, ржут над вами!

Насчёт существования привидений я тогда ничего не могла сказать, потому как первое в своей жизни привидение увижу только через семь лет. Я до сих пор ничего не могу точно сказать по поводу этого феномена. Однако насчёт того, что кто-то пугает неразумных дурочек из соседней палаты, физрук был абсолютно прав: это мы с Наташкой их пугаем, только им, как и ему, знать об этом не полагается.

К слову сказать, наши соседки и их громогласный спаситель до сих пор не знают, что привидением их напугали в ту ночь мы с Наташкой. Наши девочки им ничего не рассказали, потому что это был враждебный лагерь. После судьба раскидала нас, да и не того всем стало. Короче, сам рок распорядился так.

Однако по поводу ржания победивших над проигравшими Станислав Андреевич ошибался. Мы не ржали. Мы молча тряслись сейчас под простыней на одной кровати – моей, потому что до Наташкиной было далеко бежать, а моя прямо с краю, возле двери.

– Кто же мог до такого додуматься? – Басил под дверью

физрук. – Это, наверное...

Я услышала свою фамилию и сжалась в комок. Наташка прижалась ко мне ещё теснее, хотя, казалось, теснее уже некуда.

– Да, это они, Захарова и Огуречникова, – ябедничала Оля из соседней палаты.

Стукачка проклятая! Мы ей при случае...

– Шмиздец, – полумёртво выдохнула Машка.

– Научила на свою голову! – Запоздало раскаялась Светка.

Это она показала нам днём, как изобразить идеальный призрак. Для этого нужно поднять правую руку вверх на манер того, как поднимает её ученик, коему не терпится попасть к доске. Левая кисть должна быть под правым локтем. Самое лучшее – слегка приобнять ею себя за талию спереди. Ещё главное то, что всё это проделывается под простыней, закрывающей тебя с головой, руками, ногами и всем прочим. Получается очень страшный двухметровый мертвец в саване, скрывающем лицо.

Мы по очереди изображали такого днём во время тихого часа и дико хохотали, пока нам не наскучило. Так родилась идея немного развлечься ночью после отбоя. Объектом наших экспериментов были выбраны жительницы соседней палаты. Их не жалко. Мы уже два года враждовали с ними на тот момент.

Не спрашивайте, в чём была причина нашей вражды. Сей-

час я не отвечу на этот вопрос точно. Тогда же я, как и мы все, была уверена: девичья половина нашего класса распалась потому, что они плохие, а мы хорошие. Данное простое и мудрое объяснение лежало на поверхности, и умничать на эту тему не приходило в голову никому из нас.

Мы выждали примерно полчаса после отбоя. Накрыли меня белой простынкой по всем правилам. Мы с Наташкой приблизились к двери соседок без обуви и в полном молчании. Соседки тихо трепались о пацанах. Больше они ни о чём разговаривать не могут, разве что о тряпках и косметике, не то, что мы. У нас Галка с Ирккой на днях поссорились, обсуждая книгу, но это было на днях. Сейчас мы стояли перед дверью неразумных соседок. Она по случаю жары была открыта, и занавеску от мух трепал лёгкий сквозняк.

Наташка очень хорошо уловила ритм занавесочных трепыханий. В нужный момент она отвернула край лёгкой ткани, и я беззвучно всплыла в чужую палату в образе страшного призрака.

Визг, которым разразились наши вечные оппонентки был такой силы, что, кажется, пространство между нами чуть не начало сворачиваться в жгут, не говоря уже о наших с Наташкой барабанных перепонках. Однако я стойко перенесла звуковой удар, сделав-таки бесшумный круг почёта по их палате.

После мы благополучно скрылись в своей берлоге, не забыв запереть за собой дверь на крючок. Запирая её, мы уже

слышали отдалённые раскаты физрукова голоса, и это привело нас в такое волнение, что мы обе убрыкались от страха на мою кровать и «призрачной» простынкой с головами накрылись.

– Откройте! – Надсаждался огромный, как гора, Станислав Андреевич, молотя нашу дверь.

Никто ему, конечно, не открывал. Мы же ещё из ума не выжили!

– Сейчас он увидит, что вы на одной кровати и... – Защи-пела Машка.

– Не увидит! – Прошелестела Наташка. – Он вообще ничего не увидит.

И точно. В следующий миг жалкий дверной крючок пал под натиском мощной физруковой руки, и разъярённый дядька оказался в нашей палате. Он щёлкнул выключателем, и... Ничего не произошло! Потому что! Мы! С Наташкой! Ещё! Днём! Вывернули! Лампочку! Ну, разве мы не молодцы? Разве не умнички? Разве не красавицы?

Всеобщий страх сменился тщательно скрываемым ликованием.

– Что случилось, Станислав Андреевич? – Спросила Машка сонным голосом, и это вышло так натурально, что даже у Станиславского с Немировичем-Данченко не возникло бы никаких сомнений.

Может, ведь, когда захочет, быть человеком! Зачем постоянно корчит из себя святошу, непонятно.

– А?

– Что?

«Проснулись» Ирка и Ленка.

Физрук не отвечал. Он продолжал отчаянно щёлкать выключателем. Я почувствовала, как тело Наташки начинает сотрясать беззвучный смех, и испугалась. Её состояния мгновенно передаются мне, и мы обе теперь буквально душились под простыней.

Станислав Андреевич ещё долго кричал и ругался. Нам уже было ясно, что он сам не уверен в своей правоте. Так всегда бывает, когда нет ни одного доказательства предположениям. Прооравшись, он отругал напоследок ещё и соседнюю палату за поднятый среди ночи визг и ушёл. У него образовалось нынче много работы: наши дорогие оппонентки и он сам перебудили весь наш домик и ещё парочку соседних. Он ещё долго разгонял учеников по палатам, попутно объясняя что-то другим заспанным учителям.

– Какой-то он стал нервный в последнее время, – заметила я в полный голос, и вся наша дружная палата покатилась со смеху.

Минут через пятнадцать, когда все утомонились, и в соседнем домике погас свет, к нам пробрались девочки из соседней палаты. Они нас вообще-то не любили, как и мы их, но очень уж им хотелось поделиться хоть с кем-то пережитым ужасом. Мы ещё раз порадовались тому факту, что в нашей палате не зажигается свет.

Непокорный

Я не помню, как пришёл в этот мир и, кажется, это нормально. Из разговоров Красивой и Тёплой я понял, что этого не помнит никто из живущих, даже большие.

Помню, я рос среди таких же, как сам. Кажется, нам было весело, точно не помню. Иногда мы дрались с братьями из-за лакомых кусков и каких-то непонятных штук, которые большие называли игрушками. Игрушки нельзя есть. Их можно отбирать друг у друга и пробовать на вкус до бесконечности, пока те не истреплются, и большие не заберут их.

Помню, что нам всегда было тепло, сытно, и горел ровный, приятный свет. Замечательная была пора! Наверное... Я точно не помню, но мне так кажется.

Однажды большие посходили с ума. Они перестали заботиться о нас, а вместо этого ловили своими огромными, сильными ручищами и куда-то бросали. Я долго сопротивлялся и убегал, но Главная всё же схватила меня горячей, влажной ладонью и бросила туда, в темноту.

В темноте сидели почти все наши. Многие были в ужасе и никак не реагировали на происходящее. Их можно понять. Однако я предпочитаю всегда держать себя в руках и не идти на поводу обстоятельств. Я осмотрелся в темноте, и понял, что в ней не так уж и страшно, только немного холодно.

Внезапно темнота взревела страшным звуком, и в ноздри

ударил странный, непривычный запах. От него совсем пропал аппетит, и голова становилась мутной. В довершение всего какая-то сила принялась раскачивать темноту так, что все мы время от времени пролетали вперёд. Некоторые катились кубарем.

Кажется, это было небытие. А что? Если есть бытие, значит, и небытие тоже где-то есть. Бытие светлое, тихое, сытное. Небытие тёмное, шумное и голодное. Ещё оно неприятно пахнет.

Я успел подумать, что небытие теперь навсегда, но оно внезапно закончилось. Мы снова оказались на свету. Нас опять кормили, поили и купали. С нами разговаривали и над нами смеялись большие. Правда, это были уже совсем другие большие. Я надеялся, что они понормальнее тех, бросивших нас с братьями в темноту небытия.

Как я ошибался! Однажды меня и ещё несколько братьев отдали Костяному. Я сразу понял, что добром это не закончится, но братья только смеялись надо мной. Костяной нёс нас по какому-то необычному, пёстроу и шумному месту. Братья смотрели по сторонам во все глаза и воспринимали происходящее как забавное приключение. Я старался сохранять спокойствие.

У Костяного было тепло, светло и сытно, но я чувствовал, что здесь творится что-то неладное. Один вид Костяного нагонял на меня тоску и ужас. Однако это было не всё. Я ощущал присутствие рядом чего-то холодного, жуткого, тёмно-

го. Это не давало расслабиться ни на секунду.

Первым исчез Весёлый. Кажется, его забрали во время сна. Мы никогда его больше потом не видели.

Потом пропал Задумчивый. Костяной протянул к нам в дом свою ручищу, и все кинулись врассыпную. Задумчивый застыл на месте. Больше он никогда среди нас не появлялся.

Через некоторое время я остался один. Ледяной ужас подкрадывался всё ближе, но я решил, что просто так не сдамся.

Однажды Костяной явился и по мою душу. Я долго сражался с ним. Мне даже удалось прокусить защитный барьер, которым большие нередко покрывают свои ручищи.

Это не спасло. Костяной загонял меня так, что я был почти без чувств, когда он кинул меня, вконец обессиленного, в темноту. В той темноте было немного света, и я разглядел, а после и ощупал гладкие, прозрачные стены, трухлявый пол, какие-то палки.

Одна из палок оказалась живой, хоть и ужасающе холодной. Она обвинялась вокруг другой, неживой палки и смотрела на меня, не мигая, страшными жёлтыми глазами. Из огромной безгубой пасти высовывался и сразу же всовывался обратно раздвоенный язык. Палка не имела конечностей, но передвигалась очень быстро. Она двигалась ко мне с одной целью: навсегда отправить меня в самое последнее моё, тёмное, страшное и голодное небытие. Никаких сомнений в этом не было, и быть не могло.

Я собрался в комок, но не от страха. Страх куда-то исчез. Осталась холодная, расчётливая злость. Я приготовился дать отвратительной безногой палке бой.

Подпустив врага поближе, я кинулся прямо к её отвратительной морде и принялся драть её изо всех сил когтями. Палка отпрянула, а я прыгнул на неё и попытался вцепиться зубами в её мерзкую, почти неживую голову.

Костяной вытащил меня на свет, грохоча страшные ругательства. Палка в панике пыталась забиться между какими-то предметами, но это удавалось слабо. Спрятаться в её темноте было толком некуда.

Я снова оказался на свету, в тепле и сытости, но теперь я был один. Кажется, я теперь никогда больше не увижу никого из своих братьев, и одиночество теперь со мной навсегда.

Однако я жив, и я всё же не один.

Вскоре меня забрала к себе Красивая. Там, где она живёт, есть ещё Тёплая, Шумный и Добрый. Красивая и Тёплая заботятся обо мне, Шумный меня побаивается, а Доброго я вижу редко. В основном, только когда зажигается искусственный свет. Днём Добрый пропадает где-то.

Пропадают обычно днём и Красивая, и Шумный. Шумный – самый маленький из больших. Больше всего времени со мной проводит Тёплая. Она готовит еду, елозит губкой по разным предметам, разговаривает с кем-то, кого нет в комнате или просто сидит, уставившись в кипу каких-то бумаг. После Тёплая подолгу стучит пальцами по чёрным

кнопкам. Она сказала, что напишет обо мне рассказ.

Не знаю, что такое рассказ, но я научился взаимодействовать с большими. Когда я встаю на задние ноги, уцепившись пальцами в перекрытия своего домика, и смотрю на кого-то из них напряжённым взглядом, они несут мне еду. Оказывается, больших тоже можно кое-чему научить, и не все они злые и взбалмошные.

Несколько раз к нам приходил Костяной. Я приготовился сражаться с ним, но ему не было до меня никакого дела. Красивая сказала, что я теперь у неё навсегда, и я верю ей. Она ни разу меня не обманывала и не пыталась кому-то скормить. Я разрешаю ей за это себя погладить, а остальных пока на всякий случай кусаю. Красивая в такие моменты сердится и называет меня Крысья Морда.

Вообще-то, я и есть крысья морда. Я белый лабораторный крыс. Красивая, когда забирала меня от Костяного, сказала, что меня теперь зовут Сизиф.

Домовушка

Кто вам сказал, что домовыми бывают только духи мужского рода? Не верьте. Это глупые, однобокие сказки. Меня зовут Агриппина, и я домовушка, домово́й-женщина. При жизни я настолько была привязана к этому месту, что после окончания своих земных дней навеки осталась под кровлей небольшого своего, уютного домика.

Мы с мужем были городскими огородниками. Выращивали зелень, тыкву, репу да капусту с брюквою и разносили по своим покупателям. Стоять с утра до ночи на базаре нам не приходилось, ибо нас с радостью во многих богатых и обычных домах ждали.

Сначала мы всё время проводили с мужем вместе. Вместе работали на огороде, разносили заказы, обедали и смотрели по вечерам в огонь. Потом пошли дети, и почитай вся работа оказалась на нём. Я едва успевала по дому поворачиваться. Муж шутил, что меня теперь из дома клещами не вытянешь, и мы смеялись над этой шуткою вместе.

Стало совсем не смешно, когда муж начал выпивать да погуливать. Другие жёны обычно скандалят, пытаются на путь истинный наставить благоверного, и правильно делают, а я не могу так. Не умею. Слова как будто комком в горле застревают. Я замкнулась в себе.

Однажды я не услышала, как он стучит в дверь, явившись

ночью из кабака. Видимо, набрался в тот раз основательно. Ночь была морозная. Хоронили всем краем.

Дети к тому времени подросли. Мы приставили их делу ещё маленькими. Теперь старший сын занимался огородом, средний разносил заказы, младший помогал братьям, а девочки по хозяйству шуршали.

Дети мои были хорошими. Хозяйство справным. Однако стыд за смерть мужа душеньку мою выел. Чувствовала я, как он точит по ночам сердце. Как-то раз оно посреди ночи безлунной остановилось.

Выскочила я из тела бренного, а куда идти, не ведаю. Вот, и осталась навеки в доме своём. Присматривала за ним. Молодым хозяйкам подсказки давала. От пожара да грабежа хранила. От одного уберечь не могла – от измен да от пьянства проклятого. Одно меня утешало: надежда, что когда-нибудь люди одумаются да перестанут вредить себе и семьям своим. Так и жила, в заботах и надеждах на лучшее. Однако пришёл конец и этому.

Сломали однажды наш старый дом, да новый, большой, на множество хозяев, на этом месте построили. Я поселилась у одних.

Хорошие люди, молодые, красивые, муж да жена. Всё по дальним странам ездили, диковины разные оттуда привозили. Друзья к ним приходили иногда, пиршества хорошие, душевные устраивали. Песни ласковые под гитару пели. После деточки малые народились один за другим – девочка да

мальчик.

Всё было хорошо, тепло так, но только стал муж со временем выпивать да погуливать. Одна-одинешенька сделалась жена его. Несчастливыми да плаксивыми стали детки. Расхотелось мне оставаться в этом доме. Расхотелось в мире таком жить, где за сотни лет одни лишь дома да машины меняются, а люди остаются теми же.

Уйду завтра на рассвете в чисто полюшко да в лесок хвойный. Не желаю больше очаги людям хранить, коль они сами не зрят в них ценности. Эх, душа моя пропащая! До чего боюсь из дома-то выйти, аж трясёт всю! Однако надобно. Остаться здесь мочи нет. Прощайте, люди неразумные!

Повелительница Стихии

Пенная стихия подчиняется каждому, даже едва различимому движению моей руки. Она журчит, бурлит, сопротивляется, но деваться ей некуда: стихия выполняет все мои желания. Из этих грязноватых, пузырьчатых вод возникает то, что я люблю больше всего на свете.

Больше всего на свете я люблю чистоту и свежесть. Ненавижу грязь, тлен, неприятные запахи. Не терплю никаких завалов. Они разрушают моё умиротворение одним своим видом. Каждый вечер, стоя над круглой серебристой купелью, я истово творю чистоту.

– Что это за лужа на полу в кухне? – Равнодушно интересуется Лекс.

Он равнодушен потому, что вовремя заметил лужу и не успел наступить в неё своим сухим, чистым носком. Если бы наступил, это непременно вывело бы его из равновесия.

– Стихия вышла из повиновения, – буднично сообщаю я.

– Тебе помочь вытереть пол? – На всякий случай интересуется Лекс, заранее предвидя мой отрицательный ответ.

– Купи лучше посудомойку, – устало отмахиваюсь я. – Я задолбалась быть Повелительницей Помойной Стихии.

Лекс досадливо морщится, вздыхает и торопливо покидает кухню. На разделочном столе гордо красуются ряды

чистых тарелок, сверкающих чашек и свежих, ласкающих
взгляд своей прозрачностью, фужеров и стаканов.

Настоящая жизнь

Шла далеко не первая минута хоккейного матча между сборными Узбекистана и Гондураса. Гондурас всеми силами стремился сравнять счёт, но это никак не удавалось, несмотря на откровенно наплевательское отношение противника к игре. Противник постоянно отвлекался на посторонние вещи и на замечания арбитра не реагировал. Гондурас вынужден был применять силовые приёмы, например, клюшкой по заднице. Узбекистан возмущался, но как-то вяло.

– А у нас в Африке так играют в хоккей! – Прокричал лихой игрок команды Гондураса и с размаху закинул шайбу в ворота узбеков ногой.

– Это уже футбол какой-то! – Закричали те. – К тому же, Гондурас не в Африке, а в Южной Америке находится!

– Извини, мам. Я перепутал его с Ганой и Суданом. И вообще, этот гол не считается. Я пошутил.

Сегодня я играю за Узбекистан, а мой девятилетний сын за Гондурас. Мы примерно одинаково владеем клюшками. Почти никак. На ногах у нас обоих обычная зимняя обувь без коньков. Мы не умеем на них кататься. Правда, лёд под ногами вполне себе настоящий.

Гондурасу, наконец, удалось сравнять счёт, но тут неожиданно настал конец игры. Так распорядился арбитр, за которого мы нынче по очереди. Теперь очередь сына. Я подозре-

ваю, что ему просто надоело играть в этот нелепый, профанский хоккей.

– Мама, эти поэмы крадут твою жизнь! – Заявил сегодня мой наследник, к слову сказать, не в первый раз.

Поэмами он называет всё, что я пишу вне зависимости от наличия или отсутствия рифмы, длины и жанра произведения. Да, и какое это имеет значение, когда мать тратит время на пустяки вместо игр с любимым сыном? Я потащила его играть в хоккей в отместку за неуважение к моему, простите, творчеству. Пусть тоже почувствует биение пульса жизни.

– Ничья 1:1! – Объявил то ли арбитр, то ли комментатор.

– Буллиты! – Засандалил его коллега.

– Буллиты, так буллиты, – тяжело вздохнул Гондурас и поплёлся к своим воротам.

Узбекистан с трудом скрывал злорадную ухмылку.

Резкий звук заставил игроков замереть. Нет, не свисток арбитра. Свистка мы не захватили, а жаль. Заодно жителей нашей многоэтажки порадовали бы. Игру прервал вызов моего мобильного. Натусик. Она всегда выбирает невероятно удачное время для звонка. Она у нас вообще необыкновенно талантлива: как никто другой умеет спускать в дыру время, деньги, возможности, отношения. Ещё...

Хотя, нет. Это неважно. Есть вещи гораздо важнее разных сплетен, дразг и поэм. Например, лего, «Звёздные войны», «Ниндзяго» и «Нексо-рыцари». Есть мечты, друзья, игровая приставка, конфеты и книги. Есть первая в жизни медаль

за призовое место на футбольном турнире и грамоты за хорошую учёбу и участие в спектаклях и Олимпиадах. Есть немного морозный январский вечер, подсвеченный дивными, зеленоватыми фонарями. Есть тёмно-голубое хрустальное небо и желтоватый ломтик Луны. Много чего есть в этой жизни, достойного внимания.

Узбекистан тем вечером продул Гондурасу 3:4 по буллитам. После обе сборные катались с горки на заднице, и победители оглашали квартал радостными криками. Проигравшие истерически хохотали.

Жалкое создание

– Представляешь, он не такой уж маленький! Сто семьдесят два сантиметра. Я думала в нём сто шестьдесят, не больше, а он с меня ростом! – Я восторженно делилась с восьмилетним сыном сведениями, почерпнутыми из Интернета.

Мы с ним на пару восхищаемся игрой капитана сборной Хорватии. Лука Модрич выглядит совсем маленьким на фоне других игроков, но он опаснее многих высокорослых сокомандников. Чуть зазевалась защита противника, и получите, если не гол, то шикарный голевой пас в его исполнении. Футбол никогда не был спортом для высоких, как баскетбол, например, вот, я и решила, что рост малого да удалого полузащитника намного ниже моего собственного.

– Сто семьдесят два? Конечно, он маленький! – Зарядил наследник.

– Ничего себе маленький! Чуть ниже мужского среднего! – Отчаянно спорила я. – С меня! – Снова уточнила я на всякий случай.

– Извини, мама, – начал сын похоронным тоном, – но ты и есть маленькая! – Он даже рукой махнул от досады на мою непонятливость в сочетании с никому ненужным упрямством.

Я задохнулась от возмущения. Да, как он может?..

– Средний рост женщины сто шестьдесят четыре санти-

метра, – принялась я доказывать вредному мальчишке, – а во мне на целых восемь сантиметров больше. Я высокая для женщины!

– Да? – Переспросил мой собеседник недоверчиво. – Ну, значит, ты мне кажешься маленькой, потому что я высокий.

Я не стала переспрашивать, серьёзно ли он говорит это. Сын был сама серьёзность. Я хорошо рассмотрела это с высоты, ведь, его рост на сорок сантиметров меньше моего. Сделалось так обидно! Однако мы достигли конечной точки маршрута.

Здравствуй, стадион. Сейчас я буду совершать ежевечернюю пробежку, а сын бить мячиком по воротам. Ему непременно станет скучно к середине моей беговой программы, он начнёт подкарауливать меня на очередном круге и горестно вопрошать:

– Ну, ты скоро?

Нет, не подумайте, он очень любит футбол. Просто играть вдвоём гораздо интереснее, чем одному. Если ему встретится ещё один такой же футболист, то всё в порядке, но это, к сожалению, бывает не часто.

– Я не пойду сегодня на поле, – честно предупредила я.

– Почему?

– У меня кроссовки светлые, а там грязно.

– Ты для чего сюда пришла?! – Искренне возмутился юный спортсмен. – Спортом заниматься или выделываться? Эх, женщины!..

Мне сделалось стыдно. Что это я, в самом деле? Пришла на стадион – становись под обстрел грязным мячиком! А то глупо как-то веду себя – словно груздь, не желающий полежать в кузов.

– Ладно, хорошо, поиграем, – согласилась я неохотно, и мне продемонстрировали танец радости племени мумбу-юмбу.

Тем суровым осенним днём кое-кому пришло в голову отрабатывать голы «через себя». Если кто не в курсе, «через себя» – это когда надо лечь на газон или то, что от него осталось после серии нудных осенних дождей, и отчаянно сучить ногами в воздухе, пытаясь попасть по мячу. Почему не отрабатывать такое летом или просто в более сухую погоду? Да, кто ж их разберёт, этих серьёзных, высоких футболистов! Так, надо полагать, распорядился рок, и противиться ему – бессмысленная трата времени.

Сын говорит, что я и без того трачу слишком много времени на свои «поэмы» и потому не вижу настоящей жизни. Что ж, в тот день я её вкусила, как следует. Знаете, участь футбольного вратаря просто не оставляет другого выбора. Мы шли домой, облепленные комьями грязи, в обнимку с заляпанным мячиком. Стыда перед прохожими не было, ибо какой в нём толк? Мы смеялись и шутили.

– Извините, пожалуйста, не подскажите, как пройти... – Услышала я и не сразу сообразила, что это мне.

Благопристойная семейная пара лет сорока спрашивала

у меня дорогу. Странно. Я бы от двух таких существ, как мы с сыном, держалась на всякий случай подальше.

– Чумазые, значит местные! – Объяснил за ужином муж, хохоча.

Да, наверное. Очень возможно. Я выразила своё робкое согласие вслух, поглощая куриную грудку с салатиком.

– Опять ты ничего не ешь! – Тяжко вздохнув, резюмировал сын, заглядывая в мою тарелку. – Одни курицы и яйца! Скоро на Кощея будешь похожа.

– Да, мамесса, – радостно согласилась с ним дочь, вplывая в кухню. – Ремнём пороть тебя надо!

Они с отцом расхохотались, а мне было почему-то не смешно. Дочь выросла высокой, не как я, а по-настоящему, к тому же, она сильная, атлетичная. Запросто мне всыплет, если что. Одно утешает: она добрая и хорошо, хоть и немного снисходительно, ко мне относится.

– Оссподи, да кого там пороть? Там пороть-то некого, кожа и кости! – Огорчённо отмахнулся сын, явно копируя манеру моей мамы. Правда, та говорит так о нём, а не обо мне, но какое это имеет значение?

Он ещё что-то говорил, а меня постепенно охватывала тоска. До чего же я, оказывается, жалкое создание! Мелкая, привередливая выпендрёжница, не умеющая жить настоящей, полноценной жизнью. Ещё давешний психологический тест вспомнился некстати. Он выявил мою повышенную чувствительность. Эх!.. Уродится же такое!

Однако жить как-то надо. Как? Буду почаще с умными людьми советоваться! Только не сейчас. Лучше в выходные. Сегодня им уроков много задали.

Яркие краски

– Ну, и куда это ты так разнарядилась?

Дочь стояла передо мной в длинном ярко-жёлтом платье с рукавом до локтя. Уши украсились серёжками в тон, на шее подвеска с цветочком.

– На себя посмотри! – Огрызнулось моё восемнадцатилетнее сокровище.

Я стыдливо опустила глаза, и они уткнулись в летящее летнее платье, сплошь состоящее из красно-оранжево-жёлтых абстрактных узоров. В ушах предательски колыхнулись крупные кованые серьги с затейливым орнаментом.

– Ладно, и впрямь... Что это я? Пойдём, – согласилась я, беря под руку лаковую сумочку вырви-глазного красного оттенка, и мы не спеша выплыли в ущелье наших панельных закоулков.

Раньше мы жили в прицентральной районе города-четвертьмиллионника. Через реку – миллионник, областной центр. Езды от нашего дома до его центра – минут тридцать-сорок, не больше. С учётом пробок, может быть, час. До нашего центра – пятнадцать минут пешком. Он нам был без особой надобности, ибо всё, что нужно для жизни семьи с двумя детьми – буквально под окнами: магазины, хорошие школы и детсады, Дворец культуры с множеством кружков и секций, спортивные клубы, библиотека, Школа искусств,

поликлиника.

Сейчас мы живём, надеюсь, что временно, в типичном подмосковном спальном микрорайоне, где много домов в шестнадцать-двадцать пять этажей, но днём с огнём не сыщешь Дворца культуры, библиотеки или Школы искусств. Да что там Школа искусств! До недавнего времени обычной школы было не сыскать.

Единственный приличный торговый центр примерно в полутора километрах от нас. Это считается близко. Туда мы, собственно говоря, и держим путь, нарядившись, как на праздник. Нарядяться здесь вообще-то не принято, потому как некуда и незачем. И впрямь, зачем, если кругом полный отшиб? Отшиб от всего – культуры, знаний, медицины, зрелищного и любительского спорта, фитнеса... Однако мы всё равно наряжаться будем. Хотя бы иногда, когда куда-то идём. На концерт, например, или как сейчас – по магазинам. Хочется наряжаться и украшать себя в знак протеста, потому что дочь ещё не вполне вышла из подросткового возраста, а я уже потеряла надежду выйти из него когда-нибудь.

Мы разгуливали по торговому центру, ловя на себе обалдевшие взгляды наших одноотшибок, реже одноотшибцев, и восхищённые – наоборот. Одноотшибки почти все, как одна, одеты в синие джинсы с футболками разной степени застиранности, потому что наряжаться здесь... Хм... Знаете уже.

Мы стояли у кассы одежного магазина, перебирая наши

покупки. Мы купили несколько пар ярких носочков с единорогами и бантиками, пару кружевных топики, длинную, воздушную юбку с мушками, ароматические спреи, заколки и блеск для губ. Дядька, стоящий в очереди позади, с интересом рассматривал нас и слушал наш трёп. Думаю, именно с таким выражением лиц исследователи океанических глубин слушают ультразвуковой трёп разноцветных рыбок.

– Мама! Смотри! Там такие же юбки, как мы купили, только другие!

– Где?

– Там!

Мы обе, позабыв обо всём и наплевав на очередь, понеслись к тем юбкам, дробно стуча копытцами. Дядька счастливо ухмылялся: продвинулся в очереди, да ещё и на дурочек бесплатно посмотрел, вживую, не в Инстаграме.

Расплатившись, наконец, за покупки, мы выпили по чашке неоправданно дорогого кофе и не спеша поцокали в сторону дома. Рекламная яркость торгового центра сменилась унылой стиснутостью отшиба.

– Я не хочу идти домой, – сказали мы почти одновременно и рассмеялись.

– Погода хорошая. Может, до парка дойдём? – Предложила я.

– Давай попробуем, – согласилась дочь, – только я вряд ли дойду. Я старый, больной человек, к тому же, ногу натёрла.

В результате мы прошли немного в сторону парка

и присели на лавочку возле одного симпатичного подъезда с необыкновенно красивым палисадником. Он был весь в розах разных сортов и расцветок. Рядом с ними хотелось находиться целую вечность: любоваться живой яркостью, вдыхать свежий, ненавязчивый аромат... Мы долго сидели в этом милом местечке и болтали о книгах. Дочь в ту пору была увлечена Булгаковым.

Наши книжные разговоры нередко перерастают в споры и даже баталии, но сейчас мы были на редкость единомышленны. Познакомившись с творчеством Булгакова в тринадцать лет, я всю жизнь от него без ума.

Мимо нас прошла пожилая женщина в растянутых трениках и с собакой на поводке. Мы обе любим собак, но едины во мнении, что держать их лучше всё же в частном доме. Однако в нашем районе собаками, как и трениками, никого не удивишь. Собак тут держат многие. Сказывается наше человеческое стремление оголтело о ком-то заботиться.

Женщина, проходя мимо нас, подозрительно в нашу сторону взглянула. Отведя домой собаку, она снова вышла, на этот раз в маленький магазинчик на первом этаже дома, и снова бросила внимательный взгляд в нашу сторону. Мы переглянулись и, не сговариваясь, решили не реагировать.

Возвращаясь из магазина с лёгеньким пакетиком, женщина остановилась прямо напротив нас, уставилась в упор и сложила на груди свои маленькие, грубоватые руки, повесив пакет на сгиб локтя. Мы смолкли и напряглись, пригото-

вивший к тому, что сейчас нас отсюда погонят, ибо чужаков у подъезда не любит никто.

– Боже, какие красавицы! – Произнесла вдруг женщина с придыханием. – Вы, наверное, актрисы или модели?

– Нет, ну, что вы! Я преподаватель. Была когда-то. Сейчас сына маленького воспитываю, – отрекомендовалась я.

– А я на архитектора учусь, – честно призналась дочь.

Она подрабатывала одно время моделью, но быстро забросила это занятие. Архитектура и всё, что с ней связано надёжней как-то, к тому же, родней и интересней.

– Ещё и умнички! – Резюмировала женщина. – А я хожу и люблюсь на вас, – зачарованно закончила она и резво скрылась в своём подъезде.

Мы тоже не спеша поплыли домой. По дороге говорили о том, что, оказывается, ярких красок здесь не хватает не только нам. Редкостное единодушие царило между нами до самой ночи.

Грязные игры

Мы сидели друг против друга на корточках, а сверху нас поливало своей немного навязчивой лаской майское Солнышко. Недавно прошла серия весенних дождей, и земля ещё не вполне просохла. Это было нам на руку, причём в самом прямом смысле.

Руки наши с непередаваемым удовольствием барахтались в почти высохшей луже. Почти, да не совсем. Лужа из водяной превратилась в грязевую, и грязь была тёплой, текучей и, в то же время, замечательно пластичной. Мы с Димкой лепили из неё шарики, называя их колобками. Недавно нас учили катать таких колобков из пластилина, вот, мы и применили свои знания с умениями на практике.

Нам по три с половиной года. На мне восхитительное малиновое платьице с разноцветной отделкой, оторванное где-то другом отца «по благу». На дворе царствует советское время с его «бесплатными пряниками», полной занятостью мам и дефицитом. Я ещё не знаю, что такое «социализм», «блат» и «дефицит», но уже всей детской душой ненавижу полную занятость мамы. Ненавижу детский сад так, что всякий раз ору при упоминании этого слова и заливаюсь кипучими слезами каждое утро, когда надо туда идти.

– Он же как называется? – Кричу я родителям. – Дет-сад! Вот, пусть дед туда и идёт!

Дед туда не идёт. Он ходит каждый день на работу, как все нормальные люди, и только я одна из всей семьи должна тащиться в этот дурацкий сад, придуманный, судя по названию, каким-то злым, недалёким дедом. Однако даже там бывают приятные моменты. Как сейчас, например.

Димка – отличный парень. Мы с ним не разлей вода. Пока. Это позднее он «сойдёт с ума»: начнёт обзывать, дёргать за волосы, отбирать игрушки, и я за это разобью ему нос так, что весь пол беседки будет в крови, а меня предадут всеобщему презрению. Сейчас мы лучшие друзья.

На Димке белая футболка с коротким рукавом и синие шорты. В ярких солнечных лучах его густые белые волосы отливают золотом. Это он нашёл ту замечательную лужу и позвал меня с собой. Я с радостью пошла, ибо надоело сидеть одной. Дружить с девочками почему-то не получается. У меня и сейчас это не очень получается, а уж тогда...

С мальчишками проще. С ними нет нужды корчить из себя что-то приторное, правильное, послушное. Мы с Димкой просто лепим колобки из грязи, и нам хорошо.

Не помню, кто из нас первым додумался подбрасывать их вверх, но это было феерично! Только представьте: берёшь в руку гладкий, тёплый колобок, перекатываешь какое-то время с ладони на ладонь, а после подкидываешь вверх, на небо, к Солнышку! Солнышко, ведь, тоже хочет полюбоваться нашими колобками из грязи и поиграть с ними. Попробуйте целыми днями, не переставая, светить на небе

в полном одиночестве, сразу прочувствуете, как оно, а то умничать-то все горазды.

Взрослые, например, умничают, что нельзя лезть в грязь. Одежда, мол, запачкается. Во-первых, далеко не факт. Я умею очень аккуратно возиться в грязи. Мне кажется. Во-вторых, если одежда не будет пачкаться, что эти великомудрые взрослые станут тогда стирать? Свои умные головы, должно быть, не иначе.

Наши с Димкой головы восторженно задраны кверху. Мы наблюдаем за тем, как подброшенные нами тёмно-коричневые шарики из грязи взлетают на фоне безупречно голубого неба. Завораживающая картина! Прямо дух захватывает!..

Ай! Один из запущенных мной в голубую высь шариков приземлился прямо мне в глаз. Помимо боли от весьма ощутимого шлепка в глаз попали частицы грязи, и его начало нечеловечески щипать. Я разревелась, размазывая по лицу то, что осталось на нём от колобка. Димка зашёлся приступе дурацкого смеха.

Интересно, почему нам плохо, когда кому-то хорошо, особенно, если до этого и так уже было ужас, как плохо? Димкин смех взбесил настолько, что захотелось немедленно его прервать! Любой ценой! Пусть весь мир подавится грязью, раз он такой злой и нелепый! Это надо – взять и направить грязевой колобок не куда-нибудь, а прямо в глаз ни в чём не повинному человеку! Ещё и этот баран... ржёт!..

Я зачерпнула из подсыхающей лужи щедрую пригоршню

грязи и всю её залепила Димке в его чистенькое, гладенькое рыльце. Пусть прочувствует, как оно, когда вездесущие частицы глины залепляют твою нежную детскую кожу и слизи-стую.

Димка заревел. Я восторжествовала. Укусы глины больше не ощущались, видимо, слёзы промыли глаз. Сразу сделалось жаль Димку. Он так горько плачет!

Я подошла и обняла его. Он с радостью и, как мне показалось, с благодарностью прижался к моей груди, наряженной в красивое малиновое платьице. Мой друг обтёр всю грязь с лица о моё платье и сразу же успокоился. Мне не жаль платья. Главное, что Димка не ревёт больше, и мне самой ни капельки не больно. Было. Именно до этого момента, потому что...

– Ах, вы свинячьи морды! А, ну, живо... Живо...

Няня вела нас за уши к торчащему из стены водопроводному крану. Скоро я открою его на прогулке, пока никто не видит, и устрою настоящий потоп. Смочит всю цветочную рассаду с клумбочек, и воспитателям придётся сажать цветы заново. Зато мы с Наташкой насладимся тем, что сами сотворили живой, настоящий ручей, но это будет не сегодня. К счастью. На сегодня приключений достаточно.

В облаке

Вы жили когда-нибудь в облаках? Мне приходилось. Думаю, вам тоже. Дело в том, что существует два вида тумана: дымка, поднимающаяся от поверхности земли или воды и опустившаяся облачность. Последняя разновидность особенно густая и нереально красивая.

Сейчас я отношусь к туманам достаточно спокойно, потому как живу уже несколько лет в Подмоскovie, и ими здесь никого не удивишь, а по молодости я обожала туманы. В наших степных краях они редкость, особенно туман облачный. За неполные двадцать лет жизни я видела такой над моим родным городом только один раз.

Той аномально тёплой, слезливой зимой что-то заставило облако опуститься на холмы, окружающие город, и оно окутало нашу жизнь туманом почти на две недели. Мы жили и дышали, ходили на работу и учёбу, любили и страдали, смеялись и плакали в густой, молочной дымке. Это было сказочно красиво.

Незадолго до туманной сказки меня угораздило поссориться с моим молодым человеком. Я подумала тогда, что пусть катится к хвостам собачьим, раз он такой нехороший, но прошло несколько дней, и стало ясно, что собачьи хвосты могли бы обождать.

Однако идти к нему первой я не собиралась, ибо только

дурочки бегают за парнями. Я знала это наверняка, потому что однажды мне хватило ума признаться парню в любви первой, и то была грустная история. Только грусть подстерегала меня, похоже, на каждом шагу. Я гордо сидела дома одна, и никто не бежал мириться со мной. На людях старалась быть весёлой, деятельной, а дома накрывало непередаваемой тоской. Я растворялась в ней, как те холмы в упавшем облаке.

Однажды мы шутили после зачёта с подружками, и я смеялась так, что, кажется, немного подрагивали толстые, сейсмоустойчивые стены старого университетского корпуса. Мой голос звучал настолько радостно, а рыжие волосы так искрились, что один симпатичный пятикурсник не смог пройти мимо.

Он заговорил со мной, а я принялась откровенно строить ему глазки. Почему? Да, ни почему. Просто потому что. Потому что смешно наблюдать за его реакцией. Потому что приятно, когда на тебя смотрят зачарованным взглядом. Потому что хочется иногда слышать ещё и комплименты, а не только дружеские подколки однокурсниц и тишину своей комнаты.

Если бы думала о последствиях, не стала бы столь нарочито-искусственно очаровывать его, но я о них не думала. Знаете, молодость эгоистична. Можете не рассказывать мне, какими умниками и альтруистами были в девятнадцать лет вы. Не верю я в подобные рассказы.

Мы встречались с тем пятикурсником вечерами и подолгу бродили по нарядным улицам центра, сталкерили набережную, отогревались в тесноватых, переполненных кафешках. Пару раз ходили в кино. Парень дарил мне цветы и называл ангелом. Он познакомил меня с другом, и однажды мы гуляли втроём.

Нам было, о чём поговорить. Наши взгляды на жизнь во многом совпадали. Он даже речь о свадьбе заводил, потому как был старше меня целых семь лет и всерьёз задумывался о создании семьи. Ещё он ничего не требовал и ни на чём не настаивал. Манеры парня были приятными, отношение бережным, забота ненавязчивой.

Однажды мы даже целовались, прощаясь, и делал он это очень хорошо. Было хорошо всё, кроме одного. Он не был тем, кого я ждала и продолжала любить, несмотря ни на что.

Представьте, что доктор по каким-то причинам запретил вам кофе, но вам его очень хочется, и вы случайно увидели на полке магазина ячменный кофейный напиток. Вы покупаете его, готовите, пьёте. Всё хорошо. Это так похоже на кофе! Только это не он, что вы прекрасно знаете, но продолжаете объяснять себе, что так лучше, чем никак, что ячменный кофе безопаснее, полезнее, симпатичнее на вид...

Я пила ячменный напиток наших встреч недолго. Скоро явился с повинной свет моих очей, и никто, кроме него, больше не существовал для меня много лет. Туман над городом и над моей глупой, юной жизнью рассеялся, и я сказала

пятикурснику правду. Ударила наотмашь.

Боль в твоих глазах будет сниться мне до конца жизни. Это очень лёгкая расплата за мой эгоизм. Густой туман будет напоминать о тебе всегда. Прости меня, и пусть у тебя будет всё хорошо.

Продолжение не начатого

Есть одна замечательная расхожая фразочка. Услышав в первый раз, вы её уже не забудете: «У того, кто сам себе адвокат, клиент дурак». Истина! Однако кто сказал, что подобная логика применима лишь к одной профессии? Я задумалась над этим как-то раз, стоя под душем, и, вот, что получилось.

У того, кто сам себе учитель, ученик прогульщик и двоечник.

У того, кто сам себе доктор, пациент развалина. Или труп.

У того, кто сам себе психолог, клиент невротик.

У того, кто сам себе татуировщик, клиент партачник.

У того, кто сам себе косметолог, клиент сморщенная задница.

Кто сам себе сапожник, у того нет ни сапог, ни клиентов.

У того, кто сам себе продавец, клиент лох и бездельник. Думаю, вы уже поняли, как я отношусь к сетевому маркетингу. Не спрашивайте меня об этом при случае. Не отнимайте моё драгоценное время. Я лучше ещё глупостей насочиняю.

У того, кто сам себе водопроводчик, клиент залил четыре этажа.

У того, кто сам себе газовый слесарь, клиент в числе первых на очередь в преисподнюю. Ну, или в рай. Там вроде бы любят блаженных. Ангелам тоже без дураков скучно.

У того, кто сам себе портной, клиент одет, как придурок, хотя, здесь возможны варианты.

У того, кто сам себе ресторанный повар, клиент ничего не смыслит в особенностях общепита.

У того, кто сам себе прачка, есть автоматическая стиралка.

У того, кто сам себе слуга, мало денег.

У того, кто сам себе парикмахер, клиент растрёпа.

У того, кто сам себе мастер маникюра и педикюра, клиентка порвала заусенцами колготки.

У того, кто сам себе визажист, клиент накрашен кривенько, но с душой.

У того, кто сам себе актёр, зритель демонстративный психотик.

У того, кто сам себе певец, соседи скоро сойдут с ума. Ну, или убьют его ко всем чертям. Ещё его слушатель, как правило, не имеет ни совести, ни чувства меры.

У того, кто сам себе писатель, читатель уже офонарел от собственной гениальности.

У того, кто сам себе водитель... всё нормально!

Лучшие годы

– Все говорят: «Молодость – лучшие годы!» Какую книгу ни открой, в каждой выражение «лучшие годы» означает исключительно юность и молодость, а я не могу вспоминать свою молодость без содрогания. Детство и юность, впрочем, тоже.

Мы с Людочкой сидим на открытой веранде моей любимой кондитерской. Приятельница недавно справила тридцатипятилетие, а я не смогла присутствовать на её празднике, и Людочка настояла на том, чтобы угостить меня в обеденный перерыв любимыми пирожными. Думаю, мой запоздалый подарок, вручённый ей нынче утром, тому поспособствовал. Женщине так легко угодить с подарком! Статуэтка, вазочка, коробка конфет, губная помада нужной расцветки, просто букет цветов... С мужчинами гораздо сложнее.

На работе все боятся Людочку, и не зря. Внешность её почти ангельская: молочно-белая с персиковым румянцем кожа, натурально светлые локоны, небесно голубые глаза. Она могла быть совсем ангельской, если бы не двадцать пять кило лишнего веса и манера одеваться так, словно собралась на рынок, куда бы ни шла.

Людочка ни о ком не говорит плохо, но если она заговорила о вас при начальстве, вам крышка. Чаще всего она делает это в открытую, прямо в присутствии жертвы. Толстозадый

ангел сдаёт вас с потрохами, а потом ещё и дурочкой прикидывается, типа она совсем не то хотела сказать, и, вообще, она нечаянно, не бейте её, пожалуйста.

Коллеги сторонятся милого существа, а для начальства она настоящий ангел. Ангел-агент.

Я не боюсь Людочку. Я уже три года наблюдаю её жизнь и поведение в естественно-искусственных условиях офиса с безопасного расстояния и пытаюсь разгадать её загадку. Людочка – крайне интересная особа, и она не может мне сделать ровным счётом ничего. У нас с ней и начальство разное, потому что трудимся мы в разных организациях, расположенных под одной крышей.

– Смотри, сделает она тебе подляну! Додружишься ты с ней! – Предупреждают битые руками начальства Людочкины жертвы и им сочувствующие.

На их слова я только пожимаю плечами. Жизнь моя скучна, как бухгалтерский отчёт, в котором полностью сошёлся баланс. Я уже много лет замужем за одним и тем же существом мужского пола, воспитываю дочь-отличницу, курсирую каждый день по маршруту «дом-работа-дом» и не завожу по дороге никаких интрижек. Я не участвую в обсуждении скользких тем, не курю и не употребляю спиртного. Даже отдыхать езжу исключительно с семьёй. Тётушка Скука, одним словом. Именно поэтому меня тянет дружить с интересными и неоднозначными людьми. Они добавляют в моё размеренное существование немного ярких красок.

Я знала, что Людочка рано вышла замуж. Мать спроводила за первого парня, проявившего интерес к ней. Парень крупный, яркий, немного шумный и необыкновенно весёлый. Он был на семь лет старше, хорошо зарабатывал и постоянно дарил цветы, подарки, куда-то приглашал, подвозил на машине. Станислав долго ничего не требовал взамен, проявляя чудеса деликатности. Людочка сразу заподозрила в нём что-то неладное, однако мать была непреклонна: надо замуж.

Ну, и что, что Людочка учится всего на втором курсе? Ничто не помешает продолжить учёбу с обручальным кольцом на пальце. Спортивная карьера? Да, начхать на неё! Покажите, кому она принесла счастье. Ребёнок помешает учёбе? Какие глупости! Папа Людочки уже пять лет на пенсии. Что ему делать, как не нянчить внуков?

Людмила и Стас поженились. Заодно мать невесты выпихнула замуж её старшую сестру-погодку. Свадьба двойная, расходы одни. Так всем лучше.

Через полгода выяснилось, что супруг Людочки – алкоголик, пребывавший на момент их знакомства и встреч в завязке. Когда он снова начал пить, как умирающий от жажды слон, его молодая жена была на сносях. Родилась дочка с патологией зрения, хотя ни с той, ни с другой стороны серьёзных нарушений зрения ни у кого не было.

Стас начал каждый день приходиться с работы пьяным в сосиску. Он падал лицом вниз на пол в прихожей, и Людмила

ничего не могла с ним сделать: рост два метра пять сантиметров и сто тридцать кило веса. Ночью гигант просыпался, шёл к холодильнику и съедал оттуда всё подчистую. Утром просил прощения.

Людочка хотела уйти от него обратно к родителям, но те посоветовали не чудить. Молодой семье недавно дали двухкомнатную квартиру – живи и радуйся. «Нам в твои годы никто квартир не давал! Пьёт? А ты лечи его. Нельзя бросать хорошего человека в беде и болезни».

Людочка лечила Стаса. Ещё упрашивала, ругала, грозила разводом. Толка не было. Больной ребёнок высасывал силы и время. Сложная и скучная бумажная работа добивала. Бесконечные поучения своей и мужниной родни выматывали. Косые взгляды соседей добавляли неприятных ощущений. Подружки разбежались, ибо никому не хочется постоянных рассказов о безобразиях мужа, болезнях ребёнка и подлостях родни. Всем хочется радости и позитива.

Людочке тоже хотелось радости, и однажды молодая пышечка-красотулька ответила взаимностью холостяку из подрядной организации. Он стал её любовником, а спустя несколько лет мужем. Он сам не может иметь детей из-за дурной наследственности и с открытым сердцем принял ребёнка Людочки. Живут они не сказать, что богато, но в достатке и мире.

– Лучше, чем сейчас я и не жила никогда, – говорит Людочка, но в голосе её явственно слышится грусть.

– Значит, именно сейчас наступили лучшие твои годы! – Резюмирую я.

– Получается, что так, – легко соглашается моя собеседница. – Однако молодость... детство... Их словно украли у меня!

– Ну, с молодостью всё ясно, – соглашаюсь я. – Этот пьянчуга тебе её испортил. А детство? Ты родилась в полной семье в благополучные годы, когда уже всё было...

– Было, – эхом откликается Людочка. – Было, но не для всех.

Я знала, что отец приятельницы намного старше её матери, почти на тридцать лет. Мать этим фактом крайне недовольна, и, чуть поссорившись с отцом, кричит ему:

– Ты, старая рожа, украл мои лучшие годы!

– Да, кому ты была нужна, кроме меня, со своим поганым характером и дитём нагулянным! – Кричал отец ей в ответ, когда был помоложе.

Сейчас уже не кричит, сил нет. Восемьдесят пять лет – это вам не шутки.

Жених бросил мать Людочки беременной на приличном сроке. Пожилой сотрудник пожалел и обогрел. Итог – две дочери-погодки от разных пап. Разные папы, разные отношения. Похоже, папу Леночки, сестры Людмилы, мать любила до потери пульса, чего не скажешь об отце младшей дочери. Поэтому Леночка всегда была хорошей, милой, самой красивой и умной, а Людка... Что с неё взять, с Людки этой?

Вся в своего папашу-дуралей!

Правда, непонятно, почему папа Людочки «дуралей». Ценный специалист, руководящий работник... Однако тот, сбежавший сопляк, был умник-разумник, а этот старый дуралей. Людочка, соответственно, тоже дуралейка. Детям-дуралейам не полагается ласки, вкусностей и новой одежды. Им даже добрых слов не полагается.

Когда Людочке было пять лет, мать сдала её в интернат хореографического училища. Данные позволяли. Однако успеха у станка девочка не добилась. Она там просто плакала день и ночь, потому что очень любила свою непростую и недружную семью. Мама, папа и сестра были для неё лучшими во всём мире.

Педагоги жаловались, обучение не шло, но мать настаивала на продолжении, уверяя, что дочь привыкнет. Отец, навестив однажды Людочку в её заточении, закатил матери чудовищный скандал и забрал ребёнка из училища. Девочка после месяц пролежала в неврологии.

– Эх, ты! – Попрекала мать. – Такой шанс попасть на сцену упустила! Могла бы в люди выйти, а ты...

Мамаша постоянно восхищалась балеринами и художественными гимнастками, тыча Людочке их красоту и изящество в глаза.

– И ты так смогла бы, но разве ты порадуешь мать? Ты только расстраивать меня умеешь! Не то, что Леночка. Вот, Леночка...

Чтобы угодить матери, Люда пошла заниматься художественной гимнастикой. Она терпела боль, ограничения в еде, непростые отношения в секции, а потом в команде. Главное, не расстроить мать.

Тренер и классная постоянно ругали Людочку за неопрятный внешний вид: зашарушенные, штопанные-перештопанные вещи, замусоленные банты, до безобразия стоптанную обувь, на размер, а то и на два меньше, чем нужно. Как только Людочка заикалась об этом дома, на неё рушился град проклятий. Обноски Леночки – самые лучшие обноски в мире. Они в сто раз лучше новых вещей, и нечего тут...

Людочка терпела. Она терпела и пыталась быть для всех хорошей.

Слёзы давно текли по лицу Людмилы Тимофеевны, ведущего сотрудника отдела продаж. Она не утирала их. Кажется, Людмила их не замечала. Я гладила её полную, белую руку и рассказывала, какая она замечательная, как скоро вернётся из командировки её муж и привезёт им с дочкой полный чемодан подарков...

Мы опоздали с обеденного перерыва на пятнадцать минут. Я получила нагоняй от начальницы, но не сожалела о том, как провела последний час. Я разгадала загадку Людочки. Она старается быть хорошей по инерции, как в детстве. Именно поэтому безропотно терпит переработки, недоплаты, авралы. Поэтому закладывает сослуживцев. Она хочет, чтобы её любили и хвалили.

Маленькая девочка, сидящая в ней, хочет, чтобы люди заметили, какая она хорошая на фоне нерадивых, болтливых, выпивающих коллег. В конце концов, она ни о ком не говорит неправды. Людочка хорошая, только...

Она подставила меня перед начальством через полгода. Это был первый случай, когда Людочка сочинила то, чего не было, и говорила о человеке откровенно плохо, да ещё и за его спиной. Я легко доказала её неправоту, и она получила от нежно любимого начальства так, как не получал ещё в её организации никто и никогда. Чудом не уволили. После наш офис перевели в другое здание, и пути наши разошлись. Надеюсь, навсегда.

Я долго не могла понять, что я ей сделала плохого. Недавно меня осенило: сидящая в Людочке глубоко под слоями жира спортсменка не могла стерпеть, что её видели слабой.

Мои лучшие годы начались после сорока пяти лет. Только это совсем другая история.

Муравушка

– Вот, ешьте, пока есть возможность!

На стол, прямо поверх бумаг, шлёпнулся увесистый, неаккуратный пучок дачной зелени: луковые перья, укроп, петрушка, сельдерей.

– Марианна! Что же ты творишь! – Ангелина Павловна встряхнула кудряшками и сложила на груди маленькие, натруженные ручки. Кто думает, что работа в архиве исключительно легка и приятна, глубоко ошибается. Такие кипы документации приходится перебирать – мама, не горюй! – Это очень важные документы, а ты...

– Нет ничего важнее жизни и здоровья, – серьёзно промолвила Марианна, и её вишнёво-карие глаза полыхнули фанатичным блеском.

– Ты всё ещё занимаешься этой своей травяной диетологией? – Послышался приятный баритон Леонида Львовича. Почти одновременно Марианна и Ангелина имели честь увидеть его самого. Он выходил из-за стеллажа, отирая руки старым, застиранным полотенцем. Тёмно-синий пиджак в вековой архивной пыли, безупречно зачёсанные назад тёмные, прямые волосы немного растрёпаны. – Не надоело тебе?

– Что мне должно надоест? – Вскинулась Марианна. – Быть стройной, красивой и здоровой?

– Ладно-ладно! – Примирительно поднял руки вверх глав-

ный архивариус. – Нравится тебе – пожалуйста, а за зелень большое спасибо. Мы тут собирались с Ангелиной, Алевтиной и Настей чайку выпить. Будешь с нами?

– Нет, что вы! Я такое не пью.

– Почему? Чай – та же трава, а ты за её пользу постоянно топишь...

– Это трава, выращенная непонятно где и кем. Нужно есть травы, которые растут в том регионе, где живёшь. И потом, откуда нам знать, что добавляют в чай на фабрике? Может, красители какие-нибудь?..

Марианна довольно долго ещё рассуждала о пользе трав, вреде красителей и о том, как ей нравится быть стройной, здоровой и красивой. Наконец, иссякла и ушла. Ангелина Павловна и Леонид Львович облегчённо вздохнули. Между ними царило сейчас редкостное единодушие, что случается, надо сказать, не часто. Замкнутое помещение без окон, едкая пыль и бесконечные кипы бумаг действуют на нервы похлеще, чем очередь в кассу, например. Та хотя бы закончится когда-нибудь, а архив... Он вечен!

Отдел продаж тоже вечен, и очень даже логично, что эти два подразделения живут в мире и согласии. Архив откровенно боится отдела продаж, а тот, похоже, наслаждается своим небывалым могуществом.

– Что это за банный веник у нас между рамами торчит? – Спросила за чаем Настя.

Она молодая, яркая, смешливая. Серость архивных буд-

ней студентка-заочница щедро разбавляет красными пряжками в волосах, блузками, туфлями и сумочками вырвиглазных оттенков, цветастыми юбками и залиivistым хохотом по любому поводу. Кажется, она не проработает здесь долго. Впрочем, она и не планирует. Настя мечтает уехать в Москву, как только закончатся её чудесные студенческие годы, которые она, кажется, уже устала ненавидеть.

– Что ты! – Замахала на неё руками Ангелина Павловна. – Смотри при Марианне Дмитриевне такое не ляпни!

– Лучше не забудь взять сегодня домой четверть этого, как ты изволила выразиться, веника. Будешь здоровой, стройной и красивой, как подательница сего блага, – съязвила Алевтина Георгиевна, и все тихонько захихикали.

Алевтина ужасная острячка, но куда девается её язвительность в присутствии сотрудниц отдела продаж – загадка. При них она тиха, молчалива, и только лёгкие искорки в глазах выдают её глубоко запрятанную ироничность.

– Насчёт стройности... Ну, можно согласиться с натяжкой, – начал Леонид Львович, – насчёт красоты – ой, лучше не надо! Пятьдесят – они и есть пятьдесят, да ещё и когда такие неухоженные... А насчёт здоровья... По-моему, кто-то остро нуждается в консультации хорошего психиатра.

– Да, уж. Стройность у неё какая-то странная, – согласилась Настя. – Сверху кости торчат, а животище, задница и ляхи никуда не делись. И ещё эта морда её зелёная... Бррррр!

– Она не всегда такая была, – подала голос Ангелина. – Раньше у неё был очень красивый цвет лица, смугловатый, ровный, а теперь...

– Это она от травы своей позеленела! – Тоном знатока заключила Степанида Трофимовна, выходя из-за стеллажей со шваброй в одной руке и ведром в другой. – Пятый год одну траву и ест, и пьёт. Что же там ещё будет? И живот у ней от газов пучит. Я точно знаю. Недавно в рекламе показывали. Оттого она и злая такая, и ненавидит всех люто.

– Интересно, почему работники службы чистоты всегда всё знают лучше других? – Озорные искры так и прыгали в тёмно-синих глазах Леонида Львовича.

– Потому что мы во всех кабинетах моем, а не сидим целыми днями на одном месте. Марьяне Димитриевне физкультурная активность нужна. Тогда фигура-то и подтянется!

– Ну, вашей фигуры у неё точно не будет. Настиной тоже, – возразила Алевтина Георгиевна со вздохом.

– На меня чё смотреть? Мне муж-алкаш всю жизнь нервы мотает, и живу я чёрт-те где, в частном секторе. Настя молоденькая совсем. А Марьяне физкультура нужна. Это я вам точно говорю!

– Так, она йогой занимается, – возразила Ангелина Павловна.

– И обливаниями, – присовокупила Настя, покатываясь со смеху.

Весь дружный коллектив, включая уборщицу, присоединился к ней. Дело в том, что Марианна Дмитриевна каждое утро в любую погоду оборачивает своё спорно-красивое тело простыней, берёт полное ведро холодной воды, выходит с ним во двор, скидывает простыню и обливается с головы до ног. При этом она обязательно босая, потому что женщине, чтобы быть Женщиной, ни в коем случае нельзя терять контакт с Матерью-землёй.

Всё бы не так уж плохо, только Марианна Дмитриевна не живёт в отличие от Степаниды Трофимовны посреди частного сектора. Её дом – обычная панельная девятиэтажка в спальном районе. Говорят, соседские мужики в первое время устраивали целое шоу из её ежеутренних обливаний. Позднее привыкли. Сама она не обращает на зрителей ровным счётом никакого внимания, ибо здоровье, стройность и красота дороже.

– Чаёк попиваете? Ну-ну. А там такое творится!

Черноглазая, черноволосая Катя из отдела закупок немного задыхается и выглядит растрёпанной. Впрочем, она выглядит растрёпанной почти всегда. Вроде бы всё в этой девушке хорошо: волосы, лицо, фигура, но с ней что-то определённо не так. Конечности Кати немного излишне вытянутые, и от этого стройная фигура кажется нескладной. Симпатичное лицо с тонкими чертами вроде как немного скошено на один бок, непонятно, правда, на какой, хотя при самом внимательном рассмотрении вы не найдёте в нём яв-

ной асимметрии. Густые, чёрные волосы, стриженные модным нынче удлинённым каре, самую малость топорщатся выбившимися прядями. Одежда сидит кривовато. Колготки часто собираются круговыми складками вокруг изящных лодыжек. Обувь слегка затоптана. В общем, ладненькая Настя гораздо красивее, и весь архив гордится ею так, словно она их общая, всехняя дочка. Даже вездесущая тётка Степанида считает Настю самой красивой на этаже.

– Что же там может твориться? – Саркастически поинтересовалась Алевтина Георгиевна. – Неужели Наталья Ильинична опять перебила все чашки?

Чаёвничающая компания так и покатилась со смеху. «Слоноватость», как выражается Леонид Львович, секретаря директора давно вошла в поговорку.

Катя не смеялась. Степанида Трофимовна тоже напряглась так, что на её морщинистой шее вздулась нежно-синяя жилка.

– Там Муравушка Людочку по коридору за волосы таскает!

Муравушкой в офисе и его окрестностях кличут Марианну Дмитриевну люди постарше. Молодёжь называет дорогую сотрудницу за глаза Марихуаной. Догадайтесь, почему.

Леонид Львович схватился за сердце, а женщины повскакивали с мест и дружно зацокали в сторону коридора. За архивными дамами семенила, бросив ведро и швабру, тётка Степанида.

Женщины подросли к самому концу сцены. Марианна провезла Людочку по коридору, намотав на руку её блондинистые локоны, ещё метра три, после с размаху швырнула её головой о пол и выплюнула сквозь стиснутые зубы:

– Я отучу тебя сплетничать, тварь!

Людочка ничего не отвечала. Она была бледна, как полотно, и даже не плакала. Она просто сидела объёмистым задом, задёрнутым светло-голубой шифоновой юбкой, на грязноватом полу и смотрела перед собой невидящим взором. Сегодня была её очередь получать от Марианны Дмитриевны на орехи. Так сошлись звёзды. Так распорядился рок.

Дело в том, что Марианна Дмитриевна устраивала подобные разборки со своими подчинёнными не в первый раз. Однако до такого беспредела она ещё ни разу не доходила. Ну, орала полгода назад на красавицу Анечку, называя её сухой и проституткой за то, что та спит с женатым. Анечку потом увезли на «Скорой» с сердечным приступом, но он случился вовсе не поэтому. Её начальница объяснила всем, что это от неправильного питания. Люди едят много лишнего, тогда как им следует есть только свежую зелень, потому что в ней есть всё, что нужно для работы организма. Она, вот, ест, и у неё, заметьте, никаких приступов. Она стройная, здоровая и красивая. Ещё она очень благонравная: спит только с мужем строго по лунному календарю и не рушит ничьих семей.

Анечка вообще-то тоже не рушила. Она просто так под-

рабатывала. Однако эти жалкие оправдания никого не интересовали. Спать с чужими мужьями нехорошо, и баста.

В другой раз Марианна отчехвостила Антонину Петровну. Той прилюдно досталось за грубость и невоспитанность. Она и впрямь была хамоватая особа. Начальница ей даже пощёчину залепила. Та почему-то сразу ушла на пенсию, хотя до этого Антонину Петровну семь лет не могли на неё выгнать ни крестом, ни пестом.

Раньше Марианна Дмитриевна не была столь жёсткой.

– Это всё трава! – Объяснял главный архивариус, косясь на дверь. Он боится, что руководительница отдела продаж его услышит и рассердится. Леонид Львович может по-дружески подколоть Марианну Дмитриевну при личной встрече, но не более того. – Пока питалась человеческой едой, была человек, а как одну траву жрать стала – всё, нет человека.

С ним все соглашались, ибо спорить тут не о чем. Марианна Дмитриевна стала до ужаса прямолинейной и злой после двух лет «сидения на траве».

– Зайдите ко мне в кабинет. Обе.

Голос Владимира Алексеевича, генерального директора, звучит всегда ровно, что бы ни происходило. Из-за его плеча опасливо выглядывает Наталья Ильинична. Она очень хороший секретарь, хоть и бьёт постоянно посуду. У неё зато на полках чистота и порядок, а документация просто в образцовом состоянии.

На следующий день Марианна Дмитриевна передавала де-

ла Людочке. Та излучала доброту и свет. Она никогда никому не грубила и не спала с чужими мужьями. А сплетни... Ну, кто, скажите, не сплетничает иногда! Тем более что Людочка не просто тупо сплетничала, а добывала для любимого шефа информацию. На вид она – суший ангел, хоть и толстовата кое в каких местах. Почему её все сторонятся, неясно. Бывшая начальница, вон, невзлюбила за что-то... Впрочем, пара-тройка десятков выданных волос – очень скромная плата за руководящую должность. Волос у Людочки ещё много, а пара-тройка дополнительных тысяч к зарплате никак ей не повредит.

Прошло три месяца. Всеми забытый пучок травы между рамами ссохся. Степанида Трофимовна решила выбросить его, а он взял, да и рассыпался в её коричневатых, шелушащихся руках зеленовато-чёрной трухой.

– Ну, ё-моё! Весь чистый пол обгадил! – Досадливо произнесла уборщица и принялась торопливо заметать травяную труху ногой под шкаф.

Хорошая девочка

Оксана была хорошей девочкой. Она нравилась буквально всем. Ещё бы! Таких сапфирно-голубых глаз и пепельно-русых выющихся волос нет больше ни у кого. Ещё ни у кого больше нет такого нежного голоса и столь замечательных манер. Последние необычайно аристократичны, и трудно поверить, что эта девочка – воспитанница обычного советского детсада. Драки, ругань и плевки в ближнего и дальнего там самое рядовое, будничное дело. Это я вам точно говорю. Сама там побывала.

Пока мы были маленькими, нам хватало друг друга, чтобы колотить, щипаться, плеваться и обзываться. Когда подросли аж до пяти лет, мы открыли для себя новое развлечение, а заодно расширили, так сказать, границы своего влияния.

В детсаду с некоторых пор началось какое-то строительство, которое упорно не желало закачиваться. Однажды наша старшая группа, объединённая с подготовительной, даже кирпичи таскала на прогулке. Однако это никак не ускорило процесса. Наоборот, к нам ещё и малышей вскоре подселили.

У забора образовалась куча щебня, перемешанного с какими-то непонятными цементными обломками. Если залезть на неё, становится видна улица, а, главное, из-за забора можно высунуться нам самим. Зачем? Ну, вы даёте! Прохо-

жих доводить, конечно! Можно, например, крикнуть вслед толстой тётке с авоськами, кто она такая, и тут же исчезнуть за дощатым забором. Он в этом месте почти совсем без про-
рех, и оскорбившийся прохожий сразу не поймёт, кто сказал о нём всю правду только что.

Как же это было весело! И не рассказывайте мне, пожалуйста, что в детсаду кто-то кого-то воспитывает. Когда воспитывают, есть результат. Тут он отсутствует напрочь. Ещё не рассказывайте, что это единичный случай. Детсадовцы так развлекаются и в наши дни. У меня детсад прямо под окнами, и я знаю о результатах воспитания и обучения в нём всё.

Три или четыре девочки в нашем восхитительном «заборном» развлечении не участвовали. Их Оксанка подговаривала. Она сама корчила из себя этакую ледь, и подружки тут же принимались её копировать, как обезьянки в цирке, хотя по глазам их было видно, что они тоже очень хотят залезть повыше и обзывать на прохожих. Иногда кто-то из них не выдерживал, и они начинали кричать нам, тем, кто на «круче», как мы называли мусорную гору щебня:

– Алёша! Крикни ей, что она сморщенная обезьяна!

– Света! Скажи ему, что он яблок гнилой!

Однако под осуждающим взглядом Оксаночки подружки умолкали.

– Хорошие девочки так себя не ведут, – серьёзно изрекала она, и её слова почему-то действовали на них сильнее, чем

сотни воспитательских поучений.

Оксану родители очень красиво одевали. На её платица и костюмчики сбегались посмотреть все. Даже воспитатели из других групп приходили. Ничего удивительного: на дворе стояли годы дефицита товаров народного потребления. Тогда все жили одинаково, но кто-то всё же чуть одинокее других. Кажется, бабушка Оксаны работала в торговле. Представляете, как её наряжали в праздничные дни на утренники? Она была, как кукла, и её хвалили так, как не хвалили всех остальных ребят вместе взятых. На коллективных фотографиях Оксана всегда получалась самой красивой и нарядной.

Я не имела аристократичных манер. Я вообще никаких манер не имела. И в будни, и в праздники ходила в детсад в одежде, перешитой моей бабушкой из вещей взрослых. Ещё часто «форсила» в обносках двух старших двоюродных сестёр. Реже – в том, что могли предоставить наши многоуважаемые торговые сети с их полупустыми залами и толстыми, язвительными продавцами. В те благословенные времена так, как я, были одеты многие, никто и внимания не обращал, однако страстно хотелось, чтобы обращали.

«Наша принцесса», «королевична», «куколка» – так называли Оксану взрослые, и никто не подозревал, что она не настоящая принцесса, а самозванка в красивых тряпках. Настоящая принцесса здесь я, только меня никто не видит, как Золушку в своё время. Казалось, что придёт следующий

праздник, меня дома так нарядят, что все заохают-заахают, позабудут, наконец, про Оксану и начнут называть принцессой меня, а не её. Разглядят.

Однако праздник наступал, я приходила на утренник, как мне казалось, супернарядная, но на меня обращали внимание, только когда я читала стихотворение. Это я делала лучше всех в группе, и мне доставалось больше всех родительских аплодисментов. А потом всё. Как всучить самый длинный стих, так это мне, а как назвать принцессой и куколкой, так это её, несравненную дурочку и выпендрёжку Оксану.

Делалось обидно так, что перехватывало дыхание. Я из кожи лезла, чтобы показать, что я тоже красивая, что у меня длинные, до попы, волосы редкого, как сказал папа, оттенка, что глаза не менее голубые, чем у этой куклы Мальвины... Но, нет. Вся любовь ей, а мне шиш. Что мне оставалось делать? Спрашиваете! Хулиганить, конечно! Что ещё остаётся делать нормальному человеку, чтобы его заметили?

Кстати, никогда не любила Мальвину из «Золотого ключика». Она приторная, манерная, насквозь искусственная. Как Оксана. Такой быть нельзя. Это противно мне. Это противно моим друзьям-мальчишкам. Это противно всему вменяемому человечеству. Про невменяемое не знаю, но, думаю, что ему тоже противно. Только воспитатели в восторге, но что с них взять?

Как-то раз эта святоша меня достала. Она изгадила мне удовольствие от любимого блюда за столом и горько за это

поплатилась. Я тоже поплатилась, но мне плевать, я привычная, а, вот, она... Думаю, так она ещё ни от кого в своей жалкой, скудной жизни не получала. Почему я думаю, что её жизнь жалкая и скудная? А как ещё назвать жизнь, в которой нет ни ора через забор, ни шлёпанья палкой по лужам, ни лепки колобков из грязи и массы других сладких, запретных вещей? Конечно, она жалкая и скудная!

Нам дали в тот день на полдник страстно любимые мной бутерброды с кабачковой икрой. Я аж тряслась, так их любила. Кабачковая икра продавалась тогда в магазинах, но мои родители её не покупали, справедливо полагая, что домашние овощные заготовки лучше. Их я тоже очень любила, но эта тёмно-жёлтая паста с непередаваемым вкусом!.. Я мечтала, что когда вырасту и получу первую зарплату, обязательно куплю банку кабачковой икры и съем всю её одна. Не вышло. Мы едим кабачковую икру из магазина вдвоём с мужем, а дети брезгливо кривят рыльца. Ничего в деликатесах не смыслят. Закормленное поколение!

Я ела в тот день свой бутерброд с кабачковой икрой самозабвенно, впрочем, как и в другие подобные дни. Я никого не вижу и не слышу в такие моменты. Даже, как меня зовут, не сразу вспомнила бы, спроси меня кто-нибудь об этом. Однако полдник, несмотря на своё яркое начало и прекрасное содержание, явно решил пойти наперекосяк.

– Посмотрите, как она неаккуратно ест! – Послышался писклявый голосок Оксаны, и я не сразу сообразила, что это

она обо мне. – Хорошие девочки так не едят. Хорошие девочки берут бутерброд двумя пальчиками и аккуратно кусают зубками. Вот, так...

Как именно выпендриваются хорошие девочки за столом Оксана показать не успела. Я залепила ей весь почти не тронутый ею бутерброд прямо в её красивое, фарфоровое личико, не забыв при этом сунуть остатки своего себе в рот.

Оксана зарыдала горестно, как артистка на сцене. Тут же подскочили её поклонницы-воспитательницы и, недолго думая, поставили меня в угол. Свою ненаглядную Оксаночку повели в туалет умывать.

– Чёртова кукла! – Крикнула я ей вслед, и гневный ответ воспитательницы потонул в одобрительном ржании мальчишек.

За это меня наказали до конца дня и мамке нажаловались. Мама качала головой, привычно слушая жалобы на меня, и её без того грустные карие глаза становились ещё грустнее. «Гады! – Подумала я. – Ещё и мамку расстроили!»

– Что ты об этом думаешь? – Спросила мама по пути домой.

– Надо зайти в магазин и купить кабачковой икры, – выдала я радостно.

Фантики

Мы сидели на набережной просыпающейся реки и оживлённо болтали. То есть, болтала, конечно же, я, а жених внимательно меня слушал. Оглядываясь назад, я нередко ему сочувствую. Сколько глупостей я тогда говорила – подумать страшно! То ли дело, сейчас! Нет, я не поумнела с годами, не подумайте лишнего. Просто научилась подолгу молчать. Сейчас мне намного интереснее барахтаться в собственных мыслях, чем трепаться с кем-то, а тогда...

– Один раз я ела очень вкусную конфету, – вещала я, и в глазах моих так и мелькали озорные искорки. Я этого, конечно, не видела. Жених мне тоже никогда о них не говорил, ибо он человек земной и далёк от столь высоких материй. Просто когда молодая девушка несёт вдохновенную чушь с целью развлечь собеседника, искоркам полагается прыгать (мелькать, скакать, разлетаться – нужное подчеркнуть) в её не замутнённых заплесневелой мудростью глазах. – Ела я её, ела и вдруг решила посмотреть, как эти конфеты называются. Смотрю, а обёртка мятая-мятая, ну я и начала её распрямлять. Распрямила такая, ногтём разгладила, смотрю, а это эстонские конфеты, и, знаешь, как они называются?

– Даже боюсь предположить! – Насмешливо вымолвил жених.

– «Вирви»! Можешь себе такое представить? Такие вкус-

ные конфеты, а сами... «Вирви»!

Я зашлась в непередаваемом хохоте. По молодости я так хохотала, что на меня оглядывались прохожие, а, если действие происходило в помещении, то звенели стёкла в окнах и, кажется, даже подрагивали гипсокартоновые стеночки. О посуде в серванте и говорить не приходится: она просто заливалась вместе со мной долгим, весёлым звоном.

Надо сказать, сейчас почти ничего не изменилось. Хохоchu я примерно так же, только реже. Некоторые вещи перестали смешить, другие редко попадаютcя, а третьи... Да, ну их в баню! Не о них речь. А, о чём? Ах, да, о конфетах.

– А ещё один раз я ела конфеты, не очень вкусные, так себе, и тоже решила посмотреть название. Смотрю, а на обёртке... – Я сделала многозначительную, почти Левитановскую паузу. Кажется, в глазах моего собеседника мелькнуло в этот момент... Нет, вовсе не восхищение моими ораторскими способностями. Скорее лёгкое презрение. – ...на обёртке кто-то повесился! – Зарядила я со смехом.

– Как так? – Не понял жених, и даже голова его немного дёрнулась от неожиданности. Наверное, она примерно так у повешенных дёргается, только сильнее. Всё-таки я не ошиблась с выбором, очень эмпатичный парень попался. – На конфетной обёртке не могли такого нарисовать! – Заявил он категорично.

– Так нарисовали же! – Настаивала я. – Правда, как выяснилось, художник не то имел в виду. Я еле нашла название.

Оно было написано с краю, причём сверху вниз, как в Японии. Даже буквы на японские иероглифы похожими сделали.

– Ну, и как же они назывались? – Устало поинтересовался жених.

– Чио-Чио-сан! Представляешь? – Выпалила я радостно, и он слегка вздрогнул всем телом, то ли от неожиданности, то ли оттого, что я легонько ткнула его в бок. – Это она и была на картинке, под зонтиком. Только вся какая-то свёрнутая набок и как бы висячая. Вот, я и подумала, что это кто-то повесился!

– Н-да-а! Захватывающая история! – Молвил жених саркастически, и я отчего-то почувствовала себя крайне глупой.

Поцелуй

– Андрюха, тебе опять с Паньком целоваться! – Заливаясь хохотом, сообщает бойкая, миниатюрная Оленька, но это ясно уже и без неё, и вся честная компания покатывается со смеху.

Радостно гогочут, выкрикивая подбадривания, все, кроме самих двух «виновников торжества». Андрей и Павел напряжённо молчат. Им выпало целоваться друг с другом то ли в пятый, то ли в шестой раз.

– Куда? – Спрашивает Андрей, набычившийся.

– В нос! – Откликается радостный хор девичьих голосов.

Говорите, что хотите, но законы подлости существуют, и они работают. А что ещё прикажете думать, когда в комнате девушек в два раза больше, чем парней, а поцелуи им двоим – только между собой?

На дворе стоит девяностый год, и действие происходит в студенческом трудовом лагере. Скоро подобные лагеря канут в Лету вместе с огромной, многоликой страной, социализмом и колхозами, а пока вся более или менее трудоспособная часть населения Советского Союза ещё стоит в известной позе на бескрайних полях. Сельское хозяйство продолжает пробивать дно. С полок магазинов исчезают последние продукты, закрываются предприятия и организации, казавшиеся вечными, обесцениваются деньги. Национальные

республики бунтуют, требуя независимости, и кое-где идёт стрельба.

Однако, в комнате девчонок весело. Молодость слишком замкнута на себе, чтобы подолгу переживать из-за цен на мыло и капусту, а распад страны кажется чем-то глупым и нереальным. В лагере среди ребят, поступивших на первый курс, есть те, кто бежал от стрельбы из Азербайджана, Туркмении, Грузии, Киргизии. Есть те, чьи семьи приехали из Прибалтики, устав выслушивать в свой адрес оскорбления и терпеть притеснения.

Их рассказы слушают вполуха, да они и не распространяются особо о пережитом. Когда человек пережил настоящий кошмар, он не захочет возвращаться к нему, а тем более убеждать кого-то с пеной у рта, что кошмар реален. У них просто другие глаза, более взрослые.

У Андрея очень взрослые для его восемнадцати лет глаза. Парень почти ничего о себе не рассказывает, но Марина догадывается, что пережил он многое. По-другому просто не может быть, когда ты буквально вчера прибыл из эпицентра вооружённого конфликта.

Большинству присутствующих ребят глубоко плевать на родной город Андрея, затерянный в отрогах гор Средней Азии и на то, что там происходит. Марина в курсе. Её не может не волновать эта тема, потому что её старшие двоюродные сёстры именно сейчас переселяются из Средней Азии в коренную Россию. Пока она «прохлаждается» на овощных

полях, они перевозят вещи, покупают, влезая в долги, дико подорожавшие дома, пытаются устроиться на работу.

Андрей подходит к Павлу и беззастенчиво целует его в нос. Публика в восторге. Чем ещё занять себя пару часов до сна, как ни какой-нибудь искромётно весёлой и до ужаса глупой игрой? Ребята играют в «Кис-брысь-мяу». Это такая разновидность фантов, только без карточек. Задания могут быть самыми неожиданными, но, чем веселее, тем лучше. Молодые нередко одержимы личной жизнью и всем, что с ней связано, поэтому так много «поцелуйных» заданий.

Собравшиеся девушки и юноши имеют весьма приблизительные представления о гомосексуализме. Для них это просто очередная шуточная тема. Скоро Виталик, друг Андрея, начнёт рассказывать всем и каждому, что он не прочь заняться любовью с человеком своего пола. Большинство будет воспринимать это как глупую, позорную шутку. Другие начнут в ужасе от парня шарахаться, когда он в очередной раз станет плести о том, как его возбуждают темнокожие баскетболисты. В итоге все поймут, что он просто придуривается.

Все, кроме одного дяденьки в баре, который однажды примет рассказы Виталика за правду, горячо его полюбит и навсегда отучит дурачка болтать глупости и делать фотосессии в обнимку с сомнительными личностями. Здоровенный дядька просто подкараулит его в темноте, затащит в кусты и снимет штаны с симпатяги. Болтливый глупец рас-

скажет, что отбился, и все поверят ему. Люди охотно верят в счастливое окончание историй.

Однажды, ближе к тридцати, Виталик найдёт свою любовь и женится, а пока... Пока ему нравится смешливая, похожая на фарфоровую куколку, несостоявшаяся балерина Оленька, и он от смущения несёт что-то о необыкновенной привлекательности темнокожих баскетболистов. Оленьке, похоже, безразличны его бредни, впрочем, как и он сам.

Зато Инночка смотрит на Виталика неодобрительно. Она практична, как мама, и рассудительна, как бабушка. Не её мама или бабушка, а мама и бабушка вообще. Глядя на Инночку, все думают, что она будущая университетская отличница, потому как она вдобавок к своей небывалой рассудительности ещё в очках и с косой.

Инне кажется, что её одноклассник Дима пошёл учиться на тот же факультет, что и она, потому что влюблён в неё. Её Дима – серьёзный парень, не то, что дурачок-Виталик. Бывший одноклассник обязательно подойдёт к ней и предложит встречаться. Не сегодня, так завтра непременно.

Инночка сдаст первую сессию на одни тройки, как и все последующие. Димы нет сейчас с Инночкой в этой комнате. Он ни разу не посмотрит в её сторону за все пять лет учёбы, а после женится на другой.

Палец водящего останавливается на Марине.

– Мяу! – Объявляет Андрей, стоящий спиной к публике, как того требуют правила.

Компания заходится в истерическом хохоте, во-первых, потому что Паша будет ревновать. Во-вторых, ребята дошли уже до такого состояния, когда смешит всё.

Паша жить не может без поцелуев Андрея! Облегчение, написанное на его лице, буквально кричит об этом.

– Куда? – Спрашивает Андрей обречённо.

– В губы! – бодро рапортует Танечка.

Природа одарила её просто ужасной внешностью, но характер Танечки – чистое золото, а интеллект – настоящий клад. Очень редкое сочетание. Некрасивые девушки обычно злы на весь белый свет, а тут человеку явно повезло с воспитанием и условиями жизни. Татьяна – отличный друг, надёжный товарищ. Жаль, проучится она с Мариной, Олей, Инной, Светой, Оксаной и Павликом недолго. Она покинет вуз и город, едва доучившись до первой сессии.

Нет, она очень умная, и учёба будет даваться ей сравнительно легко. Просто Танечка поступала сюда в надежде на то, что будет много парней, но на их факультете только Паша и ещё пара зашуганных мальчиков. Даже Андрей и Виталик с другого факультета. На следующий год она подаст документы в металлургический институт у себя в родном городе, и следы её затеряются.

Андрей нехотя подходит к Паше, притягивает его к себе своими небольшими, но крепкими руками и тянется губами к его губам. Паша отстраняется. Андрей не отстаёт. Кажется, от возмущения Павел разучился говорить: он мычит что-то

нечленораздельное, а ребята все, как один трясутся от хохота и тоже ничего сказать не могут.

Павел отбивается от оппонента своими длинными, паучьими конечностями, но невысокий, коренастый Андрей не сдаётся. Он явно сильнее, и Паша в итоге падает под его натиском на кровать. Андрей, запнувшись о чьи-то ноги, падает сверху. Хохот становится сатанинским. Павел впадает в панику и кричит, но никто не приходит на помощь, ибо всем жаль прерывать такое веселье.

Наконец, находится один сердобольный человек. Марина легонько хлопает Андрея по плечу и говорит, что теперь не Пашина очередь целоваться с ним, а её.

– Слава Богу! – Выдыхает Андрей, бросает свою онемевшую жертву и впивается в губы Марины поцелуем, от которого у девушки темнеет в глазах, а дыхание становится нервным и прерывистым.

Публика заходится в радостных выкриках и начинает аплодировать. Марина будет помнить этот поцелуй всю свою жизнь.

Однако поцелуй заканчивается, игра продолжается. В какой-то момент распахивается дверь, и на пороге возникают Света и её новый поклонник. Это самый красивый парень в их корпусе, и он тоже с другого факультета. На него заглядываются многие девушки, но красавец держится отстранённо. Старым поклонником Светы считается Андрей, ибо та растряндела всем, что он в неё влюблён, и, кажется, без па-

мяти. Андрей даже не подозревает, что он поклонник Светы, да ещё и столь сильные чувства испытывает. Однако все думают, что он в курсе, и дружно ему сочувствуют, осуждая про себя легкомысленную Светку.

«Надо же! Ни кожи, ни рожи, фигура ещё хуже моей, а тут да же – меняет парней, как перчатки!» – Думает Оксана, завистливо глядя на пухленькую, блондинистую Свету, которую страстно обнимает под пышную, низко свисающую грудь двухметровый красавец. Оксана некрасива, хоть и умна, но злоба и завистливость оставят её наслаждаться одиночеством на долгие годы, возможно, на все, отпущенные ей. Амбициозная девушка окончит университет с красным дипломом и подастся в политику.

Красавец Александр ведёт себя нагло, по-хозяйски. Он обижен на Марину. Эта воображала уже несколько раз отвечала на его вопросы без тени заигрывания, без малейшего намёка на кокетство. Он даже влюблённого блеска в её глазах не разглядел, как ни приглядывался! Кареглазый мачо не привык к такому хамству со стороны девушек. Именно поэтому он с ходу раскритиковал расстановку мебели в комнате, назвав её бездарной, разрушил своим вторжением игру и требует чаю.

Танечка вежливо объясняет, что кипятить и заваривать чай сейчас нет никакого смысла, ибо до отбоя осталось всего ничего, и ребятам хотелось бы провести это время более приятно, чем гоняться с чайниками по корпусу. В ответ наг-

лый гость принялся критиковать факультет и специальность девушек и Павла. После взялся за самих обитательниц комнаты. Все молчали пришибленно.

– Кажется, тебе пора, – Марина опомнилась первой. – Скоро отбой, – добавила она немного извиняющимся тоном, застеснявшись осуждающего взгляда Светы.

– Я сам решаю, когда и куда мне идти! – Ответствовал важный гость, закидывая ногу на ногу и вынимая из кармана пачку сигарет.

– У нас не курят! – Рывкнула Оксана.

– А тебя вообще никто не спрашивает, – заявил Александр, явно намекая на внешность девушки.

– А, ну, пошёл отсюда, тебе сказали! – Гаркнул вдруг Андрей командирским басом.

Они с Александром поднялись со своих мест почти одновременно, и наглый гость оказался выше мастера поцелуев на две головы, а ещё шире в плечах раза в полтора. Однако Андрей не думал уступать, а Александр, похоже, не планировал драться. Маленькая, толстозадая Светочка с жиденькой пережжённой косёнкой явно не та добыча, из-за которой стоит сцепляться с этим злым, коренастым парнем. Слишком уж взросло глядят его глаза, да ещё и сталью при этом всю отливают.

Ещё не достигнув тридцати лет, Андрей займёт руководящую должность. Красавец-критикан окунётся в модный нынче среди широких слоёв узкого круга дауншифтинг.

– Ладно, ты чего разорался-то? Я пошутил! – Объявил Александр примирительно.

Светка схватила его за руку и вывела в коридор. Они пропадали где-то всю ночь, а наутро красавец перестал с ней здороваться. Классика жанра.

Светлана скоро бросит учиться и выйдет замуж за мужчину, на семнадцать лет старше себя. Трижды разведённый пьющий дядька скоро разочарует её, и она выйдет за мальчика, моложе себя на четыре года. Света побывает замужем четыре раза, и все четыре брака распадутся. Её дочь, единственный плод четырёх браков, тоже бросит университет, когда придёт её время. Жизнь циклична. Циклична и в высшей степени справедлива, хотя последнее далеко не сразу бросается в глаза.

А что же дальше?

«А дальше что?..» – Спрашивали мы в детстве с замиранием сердца, когда сказка заканчивалась. «Всё! – Бодро отвечал вконец измученный старший родственник, мечтая только о подушке. – Сказочке конец! А кто слушал...»

Ну, да, понятно. Кто слушал, тот глупыш, которому совсем необязательно знать, что было дальше.

Именно поэтому наши девичьи мечты нередко ограничиваются роскошным платьем с фатой и женихом на прицепе. Не мечтать же о скучной работе, грязных кастрюлях и сопливых носках! Это как раз то, чем, как мы видим, ежедневно живут наши матери. Вдруг возможен иной вариант развития событий, но нам о нём не рассказывают?

Говорят, любимая с детства сказка накладывает отпечаток на всю последующую жизнь. Чистая правда! Моей любимой сказкой на все времена остаётся «Сказка о Мёртвой Царевне и семи богатырях» А.С.Пушкина. Она, как известно, в стихах. Именно поэтому я всю жизнь умею дружить с мужчинами, сочиняю стихи и терпеть не могу своё паспортное имя с фамилией вместе. Не зря, ведь, Царевна в сказке безымянна, следовательно, она может выбрать себе любое имя, а не довольствоваться какой-то паспортной лабудой.

Однажды с подачи неких хороших людей я решила придумать продолжение своей любимой сказки, да не одно, а це-

лых пять. Ведь, даже самые крутые предсказатели говорят, что будущее, хоть и предопределено, но остаётся всё же многовариантным. В некоторых рамках, разумеется. В данном случае в рамках моей фантазии.

Ещё, пусть простит меня бессмертный наш Светлый Гений, я буду немного стебаться. Я бы рада этого не делать, но такой уж у меня характер.

Вариант 1. Готичный-романтичный.

Яд, закачанный злой мачехой в то самое наливное яблочко, вкупе с долгим кислородным голоданием мозга сделал Царевну не очень вменяемой. Королевич Елисей не понял этого сразу. Если бы понял, сто раз подумал бы, прежде чем жениться. Царевна дышала, ходила, принимала пищу, но почти не разговаривала. Не потому, что онемела или зазналась: она попросту не понимала обращённых к ней слов.

Ещё молодая жена отвечала на поцелуи, но делала она это, как вскоре выяснилось, чисто механически. Механической была и её плотская любовь. В результате Царевна регулярно рожала Елисею отличных сыновей и дочек, но дети были ей безразличны. Их растило стадо мамок с няньками, а мать целыми днями просиживала у окна, бессмысленно глядя в него. Утром и вечером дети гуськом подходили к ней и целовали белую, холодноватую руку. Теревить маменьку запрещалось, ибо она «с Богом разговаривает». Так объясняли няньки.

Несчастный королевич не знал, что ему делать. Он перебрал много женщин в поисках любви и тепла, но все они что-то от него хотели взамен, и это раздражало. Царевна не хотела ровным счётом ни-че-го, и это раздражало тоже. В итоге Елисей взялся за спиртное и однажды разбился насмерть, управляя конём в нетрезвом виде. Известие о смерти супруга Царевна приняла всё с тем же ледяным спокойствием.

Богатыри не оставили свою несчастную названную сестрицу. Они быстро захватили власть и всё, что к ней прилагается. Верные братья воспитали сыновей Царевны великими воинами, которые ещё долго после своей смерти снились в кошмарных снах соседям. Дочерей нечаянно вырастили драчливыми, безбашенными воительницами. Из них только одна вышла замуж, да и та вскоре срубила голову своему тупому, жадному супругу и пошла на войну.

Её единственный сын вырос великим воином и прорицателем, но правдивое зеркальце, передаваемое в семье по женской линии, говорило ему, что он судак, и при этом горько плакало. В итоге оно было подарено делегации китайских послов. Те не понимали, что зеркальце говорит, и радовались подарку, как дети.

Царевна скончалась в возрасте восьмидесяти пяти лет. Её Разговор с Богом плавно перешёл в Вечный Сон. Память о ней жива, но не вся.

Вариант 2. Реалистичный.

Тут нечего рассказывать. После свадьбы полностью при-

шедшая в себя безымянная царица стала королевичной и вела обычную жизнь знатной особы. У них с Елисейем было много детей и достижения в сфере управления государством и друг другом. Ему удалось сделать из неё ворчливую, жирную домохозяйку, как его мать, а ей из него нормального, в меру запылённого правителя, как её отец.

Вариант 3. Приключенческий.

Зажили супруги счастливой жизнью. Родили трёх сыновей. Навешали неразумным хазарам и прочей тупой нечисти. В царстве-государстве стало спокойно, хоть и скучновато местами. Особенно заглохло чёртово рукоделье.

Однажды Царица пошла в лес, где, конечно же, как всегда, заблудилась и съела там с голодухи незнакомую ягоду. Знаете, дети, которых мать не кормила грудью, имеют обыкновение тянуть потом всю жизнь в рот, что ни попадя. Царица, если помните, была как раз из таких. Ягодка оказалась волшебной. Она перенесла Царицу за океан, к индейцам.

Те увидели её, неожиданно материализовавшуюся на берегу прохладной горной реки, обрадовались, и давай поклоняться, словно богине. Так как Царица была безымянной, они придумали ей много имён, одно другого чудесней. Ей понравились все. Ещё добрые, старательные индейцы возвели ради неё Мачу Пикчу, представляете? Царица была счастлива. Никогда в жизни она не видела столько любви к себе и не совершала вместе со своими последователями столько великих дел.

Они, ведь, ещё океан ради неё переплыли, правда, в довольно узком месте, и там японцам по мозгам навешали. Так, на всякий случай. С тех пор японцы даже думать боялись о мореплавании, до такой степени напугали их злые краснокожие люди под предводительством безбашенной белобрысой тётки.

Однако всё когда-нибудь заканчивается. Через пятнадцать лет безоблачного богиньского существования за Царевной явился какой-то удручённый, бородатый мужик, то ли Алексей, то ли Енисей, и забрал с собой на веки вечные. Индейцы остались безутешны, и пришлось им сочинять мифы и легенды о Белых Богах, чтобы хоть как-то скрасить своё унылое маисово-картофельное существование. Даже пирамид больше не строили и в океан не лезли, ибо скучно и не для кого.

Вариант 4. Очень грустный.

Все умерли, и хрустальных гробов на всех не хватило. Да, вот, так всё ужасно. Плачьте.

Вариант 5. Хозяйственно-феминистический.

Елисей через пять лет после женитьбы ушёл в военный поход и сложил буйну голову на чужбине. Трое их с Царевной сыновей были ещё маленькими, и ей пришлось с помощью любви, ласки и семи богатырей, коих все страшно боялись, нежно править страной. За время её царствования территория увеличилась в три раза, вдвое повысились объёмы выплавки металла, впятеро возросла урожайность полей,

а надои, хоть и с большим трудом, но, всё же учетверились. Оставшиеся по нелепой случайности соседи наделали много заводов. Кирпичных.

Когда трон по случаю смерти престарелой правительницы освободился для старшего сына, тот был седым, как лунь, и скончался от радости вскоре после венчания на царствие. Последующие правители, как водится, сменяли друг друга.

Вот, и сказочке конец. Наконец.

Впечатления

Я зашла в тупик и не видела выхода. В юности и ранней молодости казалось, будто всё идёт как-то не по-настоящему. Настоящая жизнь начнётся когда-нибудь потом, того гляди. Сейчас главное – продержаться, перекантоваться, перетерпеть. Хотелось счастья. Хотелось, чтобы было интересно. Чтобы легко и радостно.

Теперь передо мной тупик. Ненавистная бумажная работа, не приносящая ни пользы, ни удовлетворения, ни мало-мальски приличного материального вознаграждения. Я получаю второе высшее образование, о котором мечтала когда-то давно, но сочла его в своё время бесперспективным. Правильно сочла. Уже сейчас, на втором году обучения ясно, что работать по специальности мне не светит.

Рядом до икоты опротивевший человек. Ребёнок, цель жизни которого, кажется, побить все существующие рекорды по нытью и недовольству абсолютно всем. Если меня не станет, у моей дочери появится хотя бы реальный, а не надуманный повод для бесконечного нытья.

Мысли о смерти периодически одолевают меня с пяти лет. Кажется, без меня этот мир ничего не потеряет, только выиграет. Я всегда лишняя. Всегда и везде. То, что я хочу, всегда недоступно либо под запретом. То, что доступно, причиняет больше огорчений, чем радости. Зачем оно мне?!

Жить не хочется. Лечь бы и умереть, но нет, ничего не получится, я пыталась. Нет, не покончить с собой, а просто лечь, закрыть глаза и умереть. Я против самоубийства. Жизнь дана нам зачем-то. Я вижу её как бутон некого цветка: он не раскроется и не выпустит свой аромат, пока не пройдёт положенные стадии развития. Убить себя – всё равно, что раскрыть бутон пальцами. Цветка не будет. Не будет пользы и радости, с ним связанных.

Я сижу в комнате дочери. Никого нет дома. За окнами обычная ноябрьская пасмурная серость. Это конец. Край. Тупик.

На фоне голубовато-серых, низких туч появляется Око. Оно выглядит нечеловечески уставшим. Собственно говоря, оно и не принадлежит человеку, так что ничего удивительного.

– Что ты хочешь узнать? Я отвечу на любой твой вопрос, – голос исходит не от Ока. Он повсюду, но это несколько не пугает меня.

– Что такое смерть? – Спрашиваю я, как ни в чём не бывало.

Око в окне сменяется разноцветной, вертящейся воронкой, постепенно перекрывшей всё. «Выход!» – Понимаю я и ныряю отсюда, из надоевшего тупика, туда, в медленно крутящуюся, переливающуюся разными цветами и оттенками воронку.

На той стороне люди. У меня не отложилось, в каких они

существовали декорациях: комната, кабинет, лаборатория... Кажется, ни в каких. Просто люди на голубовато-белом фоне. Женщин больше, чем мужчин. Так, вот она, смерть. Иной мир. Та сторона.

– Ну, вот, я здесь, – сообщаю я тем, кто меня встретил, словно и так не понятно.

Среди них ни одного знакомого, и уж тем более родного лица, но, кажется, они рады мне. Лица излучают сдержанное дружелюбие. На губах женщин добрые полуулыбки. Обитатели той стороны не красавцы и не уроды – самые обычные люди, каких мы встречаем на улице каждый день.

– Ну, здравствуй, – говорит невысокая, полная женщина с круглым лицом и короткой стрижкой.

Кажется, она среди них главная. Я делаю книксен, окидывая взглядом всю компанию, и слышу нестройный добрый смех. Возникает ощущение, что я их всех знаю, но не помню.

– Какой был во всём этом смысл? – Спрашиваю я, имея в виду свою бездарно проползшую жизнь.

Не пролетевшую, а именно проползшую, словно больная, на всю голову контуженная черепаха. Здоровые черепахи гоняются так, что не уследишь. У многих знакомых эти как бы медлительные существа сбегали на прогулке. Моя жизнь никуда не сбегала. Она тянулась клейким, противным сиропом, только изредка превращаясь во что-то по-настоящему вкусное. Я не сожалею, что она закончилась в тридцать шесть. Туда ей и дорога.

В ответ на мой вопрос люди начинают переглядываться, загадочно улыбаясь. Им, видите ли, смешно.

– Ты сбилась с дороги, – сообщает мне то, что я и сама знаю, симпатичный высокий брюнет в очках. – Забыла, как правильно.

– А как правильно? – Спрашиваю я оторопело.

– Правильно живёт твоя дочь. Бери пример с неё, – говорит полненькая. Я в недоумении. Что угодно ожидала услышать, только не это. Я что, должна постоянно ныть, как она? Что же в этом правильного? – Она рисует, – напомнила моя собеседница. – Получает впечатления и фиксирует их в своих рисунках. Смысл в этом. Другого нет.

– Но я не рисую!

– Ты пишешь стихи, – в полных, белых руках появляется моя старая тетрадь, куда я записывала в студенческие годы свои как бы стихотворные позоры-кошмары. – Узнаёшь? – Ещё бы не узнать! Я готова провалиться со стыда, а в руках пухлого ангела, в чём у меня уже нет никаких сомнений, появляется другая тетрадь. Я начала записывать в неё стихи шесть лет назад. Три года назад бросила. Они все гадкие: о несчастной любви, одиночестве, крушении надежд. На кой чёрт они сдались?

– Теперь это не имеет никакого значения. Я уже здесь, – умничаю я.

– Тебе рано сюда насовсем, – говорит невысокий, коренастый блондин средних лет, и его слова подхватывают все

женщины, кроме одной. Полненькая молчит. Высокий брюнет в очках только кивает согласно.

– Иди обратно. Ты ещё не все свои стихи написала, – неожиданно произносит полненькая.

Снова перед глазами завертелась воронка. Я не испытывала ни боли, ни сожаления, просто летела куда-то среди приглушённых оттенков жёлтого, красного, голубого. Помню небольшие вкрапления чёрного и серого. Полёт был странным и недолгим.

Я очнулась на своём диване. Рядом заходится храпом муж, а за окнами глубокая ночь. На часах три. Я вижу это, но не могу пошевелиться. Люди не птицы всё же, и полёты не проходят для нас даром, даже если они происходят только во сне.

После было много разного. Моя первая книга вышла через десять лет. Это сборник рассказов о жизни в том загадочном месте, где мне привиделось Око. Район построен на месте снесённого кладбища, и там случается всякое. Люди многое рассказывают.

Первый мой стихотворный сборник увидел свет ровно через одиннадцать лет после того странного путешествия на ту сторону. В нём не только грустные, отчаянные стихи. Он содержит стихи обо всём на свете. Я назвала свой сборник стихов одним словом: «Впечатления».

Картина не маслом

Я бежала, перепрыгивая через лужи. Настроение было отличным, несмотря ни на что, да и не хотелось оглядываться назад – нет там ничего хорошего. Буквально на днях моя вторая беременность окончилась ничем. Чтобы не думать об огорчительном, я сосредоточилась на небывалой лёгкости во всём теле и нормальном самочувствии, о котором уже стала забывать. Ещё неделю назад я едва переставляла ноги, а сейчас могу прыгать через лужи, могу побежать, чтобы успеть на трамвай, просто ходить целый день по делам и не думать до бесконечности о том, как всё плохо.

Сейчас уже всё прошло. У меня есть муж, дочка, крыша над головой. Есть, во что одеться и чем пропитаться. Есть собственное дело, и я даже могу позволить себе кое-что. Вот, прямо сейчас, того и гляди, позволю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.